Военное детство

ИОСИФ ДИК

Мальчик и танк

с 1933 г.

Мальчик и танк

Иосиф Дик

Аннотация
Иосиф Дик. Мальчик и танк
  Соблюдать тишину!
  Мальчик и танк

Аннотация

Автор этой книги, известный детский писатель Иосиф Иванович Дик был участником Великой Отечественной войны, где получил тяжелые ранения. Но веселый нрав и жизнелюбие помогли ему преодолеть все трудности. Эти черты характера отразились и в двух его рассказах, помещенных в сборнике.

В рассказе «Мальчик и танк» описано, как фашисты в первые дни войны захватили пионерский лагерь. Мишка вызвался добраться до своих и освободить друзей. Ему повезло: в лесу он наткнулся на танк, и с этого дня парнишка становится полноправным членом экипажа.

Санька из рассказа «Соблюдать тишину!» живет в партизанском отряде. Ее отец в плену. Понятно, почему она не хочет не только дружить с сыном немецкого полковника, но даже накормить его. Суровое военное время расставляет свои приоритеты, но детям, как и взрослым, приходится военных условиях делать непростой выбор, от которого зави-

сит человеческая жизнь.

Для среднего школьного возраста.

Иосиф Дик
Мальчик и танк

Соблюдать тишину!

I

Их было человек двадцать — крымских партизан. В обтрепанных телогрейках, обвешанные автоматами и гранатами, они стояли на горе среди скалистых уступов и жадно всматривались в узкую полоску морского берега. Там, далеко внизу, как одинокий старческий зуб, торчал разрушенный маяк.

Командир отряда — рослый, сутуловатый мужчина средних лет с косматой бородой, с висящими на груди, на веревочке, очками, отвел от глаз бинокль и, протянув его своему соседу, с улыбкой сказал:

— А ну-ка, Фёдоров, кто это там ходит?

Чернявый парень с круглыми голубыми глазами подкрутил на бинокле окуляры и уставился на берег.

— Вам кто нужен? — спросил он. — Тот, что длинноногий, как цапля, или пузатый?

— Нам оба, оба нужны! А может, ты их и по фамилии назовешь?

— Я у них фамилии не спрашиваю, — усмехнулся Фёдоров. — Без паспорта на тот свет отправляю.

— Вот и двоечку заработал! — наставительно сказал бородатый. — Врагов своих надо знать. — И, недовольно взяв у чернявого бинокль, протянул его другому партизану. — А ты что нам, Горегляд, ответишь?

Курносый хлопец в кепке набекрень долго вглядывался в стекла и наконец сказал:

— Тот, что цапля, — самая главная шишка в Севастополе — полковник Карл Эрхард, а пузатый — начальник укрепрайона — майор Харман!

— Молодец! Дай дневник, пятерку тебе! — похвалил хлопца бородатый и обернулся к партизанам: — Значит, так: берем Эрхарда у водопада. Запомните, живьем! Будем его обменивать на Бычко!

— А вы думаете, он еще жив? — с тревогой спросил Фёдоров.

— По последним сведениям — жив! — сказал Гаевой и снова взглянул в бинокль. — М-да… Идут эти голубчики и не чешутся… А ведь скоро десант!

II

— Я вас предупреждаю: русские готовят морской десант для высадки в вашем районе…

— Это кто, арестованный сообщил?

— От него ни слова не добьешься. Нам удалось расшифровать одну радиограмму…

Уже тронулась по весне первая зелень, и в прозрачных ручьях, перепрыгивающих через прибрежную гальку, на миллионы ослепительных искр рассыпалось добродушное теплое солнце.

Полковник Эрхард шагал по звенящей гальке вдоль береговых укреплений. Это был типичный немец — блондин, с неглубокой ямочкой на

подбородке, высокий, тонконогий, в новенькой форме.

— …Наше положение в Крыму очень серьезное, — продолжал он, обращаясь вполголоса к идущему рядом с ним майору Харману. — Мы отрезаны. Единственная связь у нас с тылом только морем. Русские рвутся в Крым со стороны Перекопа и Керчи.

Пенный накат взлетал на песчаную полоску и, постепенно теряя свою силу, тонкой прозрачной пленкой подкатывал к сапогам.

Солдаты тянули колючую проволоку, рыли траншеи, перемешивали лопатами цементный раствор в ящиках и складывали из камней доты. Потные, осунувшиеся, изредка перебрасываясь какими-то фразами, они работали механически и безучастно.

— Неприятные сведения… — Харман на секунду остановился, судорожно сглотнул слюну. Толстое лицо его покрылось бисеринками пота. И вдруг, увидев курившего на камешке пожилого солдата со шрамом на щеке, он закричал: — Встать, каналья!..

Солдат проворно вскочил с камня и, пробормотав: «Простите, герр майор!» — ухватился за лопату.

Полковник Эрхард щелкнул портсигаром, протянул его Харману и прикурил сигаретку от зажигалки-пистолета.

— Успокойтесь, Харман, — сказал он. — Дело не так уж безнадежно, как может показаться на первый взгляд. На днях в Севастополь придет большой транспорт с оружием, и нам надлежит соответственно подготовиться к десанту русских.

— Герр полковник, мы уже много лет знаем друг друга… Можно вас доверительно спросить?

— Пожалуйста!

— Зачем нам нужен Крым?

— Предполагаю, что наша оборона Крыма — это борьба за границы Германии. Русские уже в Румынии. И когда они ворвутся в Германию, пощады не будет никому…

При слове «никому» Эрхард обернулся.

За ним шагал крепкий двенадцатилетний мальчуган с русой челкой на лбу в ладно скроенной офицерской форме, в портупее, с пистолетом на боку.

У Хармана по лицу скользнула искренняя улыбка, и он растроганно сказал:

— Боже, как он похож на свою мать. Глаза, рот…

Полковник сжал локоть Харману, и тот сразу умолк.

Но мальчик, игравший с набегающей волной, видно, почувствовал, что разговор зашел о нем, и приветливо кивнул взрослым.

Полковник подсунул свою ладонь под мышку и задорно крикнул:

— А ну-ка, Курт, начнем?

Мальчик моментально подскочил к отцу, который сразу повернулся к нему спиной, и чиркнул мизинцем по его ладони.

— Угадай, каким? — Он растопырил под отцовским носом все пять пальцев.

— Указательным!

— Нет, — засмеялся Курт. — Давай сначала.

Полковник с грустной нежностью посмотрел на сына и обнял его за плечи.

III

Они мчались по весенней горной дороге и снова играли в эту незамысловатую игру на пальцах.

Длинноносый «хорьх» с сафьяновой обивкой на сиденьях стремительно брал крутые повороты и подъемы. За ним неотступно следовал грузовик с автоматчиками.

Сидя рядом с шофером, полковник Эрхард

мчался туда, куда указывали дорожные стрелки с надписью: «Sevastopol».

В глазах у него мелькнула тревога, но он делал вид, что ему весело играть с сыном.

За новым поворотом Курт приумолк, загляделся на приближающийся водопад.

— Ну что ты там?! — Отец обернулся с переднего сиденья.

— Красиво! — прошептал Курт.

Полковник просветлел лицом, снял фуражку, сладко сощурился на солнце.

Пейзаж и впрямь был очаровательным: причудливые скалы над дорогой, очертания покатых гор на фоне голубого неба, где-то там, уже далеко внизу, — разрушенный маяк и пенный прибой, а впереди — сверкающий водопад.

И вдруг полковник увидел, как за кустами во весь рост встал человек в кепке набекрень: он взмахнул рукой, и перед носом «хорьха» взорвалась граната.

Шофер захрипел, машину бросило в сторону, и она боком врезалась в скалу.

Огонь партизан обрушился на грузовик. Из него, отстреливаясь, стали выпрыгивать солдаты. Заработал немецкий пулемет. Но минутой позже Фёдоров из «бесшумки» ловко снял пулеметчика.

С дерева, нависшего над дорогой, в «хорьх» прыгнул партизан и рванул полковника за горло. В борьбе они свалились на сиденье.

В эту минуту Курт не растерялся. Он схватил с пола заводную ручку и оглушил партизана. Тут же выстрелил отец.

— Беги! — крикнул он Курту. — Туда! — и указал на скалистый выступ, с которого катился водопад.

Ежесекундно оглядываясь, он с остервенением — автоматом и гранатами — стал прикрывать отход сына. Курт, вытащив из кобуры пистолет, бросился со всех ног к спасительному водопаду. Он забежал за огромный камень, и вдруг притаившийся тут бородатый человек схватил его в охапку.

Однако не так-то просто было взять этого волчонка. От неожиданной встречи он выронил свой пистолет, но, ухитрившись, сбил очки с носа бородатого, потом ударил его сапогом в солнечное сплетение.

Ослепленный партизан охнул и схватился за живот.

Курт поднял с земли свой пистолет, но выстрелить не успел. Подоспевший Горегляд дал ему пинка, и мальчишка рухнул под водопад.

Горегляд подхватил его за шиворот, поднял над землей и занес над головой кулак. Но тут услышал хрип бородатого: — Не бей!

Пока одна группа партизан вела бой с немецкими автоматчиками, другая окружила полковника. И тогда он, согнувшись, перебежал дорогу, прыгнул в кусты и покатился в пропасть. Партизан в папахе бросился за ним вдогонку, но, сраженный вновь заговорившим немецким пулеметом, тихо опустился на дорогу.

Пулеметчик парализовал налет, и партизаны, услыхав крик бородатого «отход!», отстреливаясь, стали отступать в горы.

Горегляд тащил за собой взлохмаченного и помятого Курта.

IV

По партизанскому лагерю Курт шагал, ни на кого не глядя. Но постепенно в его глазах, сначала мрачных и злобных, стало проскальзывать удивление.

Возле шалашей дымились костры. Партизаны на солнышке варили еду, штопали гимнастерки. Сапожник на колодке обстукивал починенный ботинок. Горбоносый парикмахер стриг машинкой молодого парня в майке. А один партизан,

чистивший винтовку, даже дружелюбно подмигнул:

— Что, брат, попался?

И над всем этим мирным становищем плыла нехитрая песенка: «Синенький скромный платочек...» Ее пел под гармошку приятный детский голосок.

Бородатый с Куртом шли вдоль кустов. И вдруг песенка оборвалась.

Курт поймал за кустами взгляд синих глаз какой-то девчонки. Он видел только ее голову — вздернутый нос, тонкую, вытянутую шею, и, чем ближе он подходил, тем любопытнее становился девичий взгляд — добрый и доверчивый.

Девочка из-за кустов тоже видела лишь голову Курта — его лицо, русую челку на лбу. Она улыбнулась и смущенно отвела глаза в сторону.

Курт не выдержал — кивнул девочке, словно поклонился.

Бородатый обогнул кусты и привел пленника к деревянному столу со скамейками, возле которого дымилась печка, сделанная из бензиновой бочки.

Девочка в широченной телогрейке и стоптанных сапожках с недоумением оглядывала офицерика, потом засуетилась: сняла с плеча

легкую гармошку, смахнула тряпкой яичную скорлупу со стола, убрала в коробку разбросанные шахматные фигурки.

— Ой, дядя Сим, — наконец спросила она бородатого, — откуда такой артист? Вы что, его засылать к немцам будете?

— А чего его засылать? Он сам немец! — сказал, улыбнувшись, командир отряда.

— Да вы неправду говорите! — Девочка протянула Курту руку и весело сказала: — Саня Бычко!

Курт в раздумье посмотрел на дядю Симу, потом на протянутую руку и нерешительно пожал ее: — Курт.

— Вот и прекрасно. Звоночек, — сказал дядя Сима, — его, оказывается, Куртом зовут. Теперь дай ему что-нибудь перекусить. Будешь есть? — обратился он к Курту.

Тот пожал плечами. — Я не понимай.

— А ням-ням не хочешь? — с иронией сказала девочка. — Манную кашку — за папочку и за мамочку?

— Слушай, Сань, да ведь он действительно немец. К нам в плен попал… — Фаши-ист?! — с изумлением произнесла Саня.

— Яволь, яволь, — хмыкнул Курт.

В душе у Сани словно что-то оборвалось — лицо

посуровело, глаза потускнели.

— Я кормить его не буду! — тихо сказала она и с грохотом разбросала по столу шахматы.

— Звонок! — повысил голос дядя Сима. — Ты у кого училась?! — И, кивнув Курту «садись!», сам сел за стол и натянул на нос очки. — Та-ак… — Он вынул из планшетки тетрадь и карандаш. — Значит, тебя Куртом зовут? А полковник Эрхард — это кто? Твой отец? Фатер?

Курт кивнул.

— А как ты в Крым попал?

— Я не понимай.

— Санечка, — дядя Сима обернулся к девочке, которая уже подбрасывала в печку хворост, — все-таки принеси ему что-нибудь: ну тушенки, что ли.

Сказал и искоса взглянул на мальчика. Курт невольно проглотил слюну.

Саня вытаращила глаза.

— Да вы что?! У вас тушенка для раненых!

— А он все-таки немного понимает по-русски, — сказал дядя Сима. — Понимает… только зря прикидывается…

— А вы дайте ему вот этим, он сразу по-нашему заговорит, — посоветовала Саня и показала увесистую палку.

— Саня! — укоризненно сказал дядя Сима и обратился к Курту: — Ну и откуда ты родом?

Его добродушный тон, видно, подкупил Курта — не секреты же он выведывает.

— Берлин! — ответил Курт.

— И давно здесь?

— Я прилетель половина год назад.

— А для чего твой отец приезжал к Харману?

— Я не знай.

— Ну положим… Значит, ты сейчас ехал в Севастополь?

Курт кивнул.

— И на какой ты там улице живешь?

— Южный бухта…

— А ты что-нибудь слышал о судьбе нашего партизана?

Саня застыла на месте.

Курт задумался, вроде бы что-то вспоминая, но потом сказал:

— Я не знай.

— Ну хорошо, верю, — согласился дядя Сима. — А какие в бухте сейчас корабли стоят?

— Я не помнил. Много…

Саня поставила на стол вскипевший чайник, принесла полбуханки хлеба, два яйца, соленых огурцов, открытую банку тушенки и демонстративно подтолкнула еду к Курту:

— Подавись!

В кустах показалась голова Горегляда.

— Товарищ командир, можно вас на минутку?

— Что такое? — подойдя к нему, озабоченно спросил дядя Сима.

— Радиограмма из штаба флота, — прошептал Горегляд. — Сегодня ночью к нам приходит подводная лодка.

— Звонок, посмотри за ним. — Дядя Сима обернулся к девочке и пошел за товарищем.

Саня достала из-под кучи хвороста автомат и, указав им на хлеб, строго сказала Курту:

— Ешь!

Мальчик посмотрел на свои руки и встал из-за стола.

— Куда?! — Саня тряхнула автоматом.

Курт не обратил на этот крик внимания, подошел к рукомойнику и вымыл руки. Потом аккуратно вытер их носовым платком, снова сел за стол и, не глядя на девочку, крутанул яйцо. Оно было сырым.

— Зальц! — требовательно сказал Курт и сделал в яйце дырочку.

— Что? — не поняв его, спросила Саня.

— Золь, золь…

— Соли нет, закусишь огурцом.

Курт воткнул в мякиш хлеба яйцо, вытащил

из кармана складной ножичек и, обтерев его носовым платком, нарезал огурец ломтиками. Раскрыл вилочку, подхватил ломтик огурца и, опрокинув яйцо в рот, стал его высасывать.

— Значит, ты прилетел сюда, чтобы крымских яблочек поесть, да? — с издевкой спросила Саня.

Курт не ответил. Ел он, как аристократ, не торопясь, со вкусом. Это явно бесило Саню.

— Прилетел за яблочками, а сам по загривку получил, — не отставала она.

Курт молчал.

— Ты будешь отвечать или нет? — Саня даже стукнула автоматом по столу.

— Дюра! — коротко ответил Курт.

— Сам дурак! — отпарировала Саня и добавила: — А будешь оскорблять, я тебя — во! Понял?! — И она показала глазами на автомат.

Курт мгновенно вырвал у нее из рук автомат, забросил его в кусты и снова, как ни в чем не бывало, стал есть.

Саня опешила.

— Ты! Да я тебя! — крикнула она и запустила в Курта яйцом.

Желток с яичной скорлупой пополз по лицу.

Курт, схватив Саню за телогрейку, подставил ей подножку, но Саня вцепилась в него, и оба они

свалились на землю.

— Урод несчастный! — шипела Саня. — Немец вшивый!

— Глюпый голова! — хрипел Курт. — Звонок!

Выскочив из-за кустов, к ребятам подбежал дядя Сима.

— Цыц! — закричал он и стал их растаскивать. — И не стыдно тебе с девочкой драться? — выговаривал он Курту. — А ты хороша, кто же так с пленным? — грозил он пальцем Сане.

Взъерошенные, исцарапанные ребята, сжав кулаки, с ненавистью смотрели друг на друга.

V

В эту же ночь, когда над партизанским лагерем гремела гроза, в небольшой пещере, освещенной тусклым огоньком коптилки, совещались трое: дядя Сима, Горегляд и Фёдоров.

За их спинами, в уголке, на деревянных ящиках, прикрытая истрепанным одеяльцем, крепко спала Саня.

— Мы можем, конечно, обменять этого Курта, — говорил командир. — Но неизвестно — жив ли после боя его отец? А если нет, то кому он там нужен, этот пацан? Я узнал: мать-то у него погибла. И вот что мне думается: мы должны достать

новых заложников, а Курта надо отправить на Большую землю.

— От войны подальше? — иронически спросил Фёдоров.

— А почему бы и нет? От войны подальше.

— Ладно, бог с ним. — Горегляд махнул рукой. — Тогда вот что, — он обратился к Фёдорову, — пойдем к морю, держи его за руку покрепче. Еще удерет в темноте.

Фёдоров достал из кармана кусок веревки и молча помахал им в воздухе.

— Тоже верно. Ну, пошли?

— Постойте, братцы, — вдруг тихо сказал командир. — Вот сижу и думаю. А не отправить ли нам на Большую землю и эту… — Не оборачиваясь, он указал большим пальцем за спину, туда, где спала Саня. — Вместе с Куртом. А?

— Да вы что, Серафим Петрович! — изумился Горегляд. — Всю войну с нами прошла.

— Нет, действительно, а что ей тут делать: с питанием туго, учиться негде. Под боком фашисты.

— Эх, Серафим Петрович, не ожидал от вас, — огорченно сказал Фёдоров. — Вы-то ей вроде как отец родной стали. А сейчас что говорите?

— То и говорю. А вдруг не убережем? Не хочу грех на душу брать… Иди, буди ее.

— Я не пойду, — ответил Горегляд.

— Тогда — ты! — сказал командир Фёдорову.

— Хоть на губу сажайте, будить не стану!

— Эх, бусурманы, а еще помощниками называются! — сердито сказал командир. — Всё на одного взваливают, — и на цыпочках подошел к Сане. Посмотрел на ее личико, почесал в раздумье бороду, оглянулся на партизан, ища у них поддержки, а потом тронул девочку за плечо: — Сань! Сань!

— Да ладно уж, не трогайте ее. Ну что вы?! — прошептал Горегляд. — В школе учил, а сам детям спать не дает.

Но, видно, чтобы уже не отступать, командир громко сказал:

— Боевая тревога!

Саню словно подбросило с постели. В полусне, не глядя на взрослых, она быстро натянула сапожки, надела через голову юбчонку, потом кофточку, телогрейку.

— Карательный отряд?! — испуганно спросила она.

— Да нет, не волнуйся. Слушай меня внимательно, — начал было дядя Сима. — Сейчас, это, ты… ну, значит, вместе с нами… пойдешь погулять… — И запнулся.

— Ага… Тут, недалеко… Одна нога там — другая здесь…

Секретное задание, — сам не зная что, забормотал Горегляд.

— И гармошку захвати, — буркнул Фёдоров.

Взрослые переглянулись — вот завраліись!

— А зачем гармошку-то? — с недоумением спросила Саня.

Командир незаметно показал Фёдорову кулак.

— Это он так… Сам балалайка, вот и вспомнил про гармошку, — сказал он и, откашлявшись, добавил: — В общем, Курта на подводную лодку будем сдавать. А ты как от детей пойдешь… это… свидетелем будешь. Ясно?!

VI

Полковник Эрхард с забинтованной головой сидел в кожаном кресле за широким дубовым столом и холодным жестким взглядом осматривал арестованного — стройного человека с лысеющей головой. Его лицо было бледным, изможденным.

Арестованный словно не замечал полковника — смотрел в окно, за которым расстилалась синяя гладь моря.

— Я звал вас, Бычко, — сказал полковник, — чтобы вы мне помог. Вы слушай меня!

— Слушаю, слушаю, — не поворачивая головы, ответил арестованный.

— Я должен вас расстрел… Вы есть с точка зрения наш закон — бандит. Но я в этот случай буду с вами по-другому сказайт, и вы в мой правда может верить. Англичан бросал бомба в наш дом, и жена погиб… Да, да, погиб. — Лицо полковника было бесстрастным. — Я привез мой сын в Крым, он жил в мой комната. А теперь, — голос Эрхарда стал железным, — ваш партизан после стрельба схватил мой сын и увел его в гору. Где он сейчас, я не знай.

— Ясно, — откашлявшись, сказал арестованный. — Но я же не партизан… Я же вам говорил.

— Мы нашёль у вас листовка! — строго оборвал его Эрхард. — Вы имель оружие! — И, помолчав, вдруг добавил: — Но я вас отпускай!

Арестованный с изумлением посмотрел на него.

— Вы может уходить, — закончил полковник, — подайте… мой сын! Сюда! Здесь!

— Так что же вы хотите — обмен?

— Да.

— Я ничего не знаю ни про партизан, ни про вашего сына…

— Мы вас провожай туда!

Бычко безучастно пожал плечами — делайте что хотите!

VII

Берег исчез за кормой ялика. Над морем хлестала гроза с ветвистыми вспышками молний и оглушительными раскатами грома. Черный мрак лежал над водой. На руке дяди Симы, подсвеченный карманным фонариком, поблескивал компас.

Саня и Курт, отвернувшись друг от друга, сидели на дне ялика, как нахохлившиеся воробьи. — Ты вот что, Сашечка, — говорил дядя Сима, — на всякий случай запомни мой адрес: Ялта, возле домика Чехова… Там меня каждый знает.

— А зачем мне это?

— Ну мало ли что, — пояснил Горегляд, налегая на левое весло. — Война скоро кончится, ты и заглянешь в гости… ватрушек поесть…

— Я ватрушки не люблю, — ответила Саня.

— Что тебе, бутылку поставить?! — пошутил Фёдоров, работая правым веслом. — Это ты пей на здоровье. А я и так от дяди Симы никуда не денусь. И вообще, зачем вы меня взяли? Не могли уж одни управиться?

— А как же, ему-то одному скучно, — усмехнул-

ся Горегляд, кивнув на Курта. — Охота мне была под гармошку его сдавать!

Полыхнула молния, и вдруг Саня, увидав впереди себя вздымающуюся гору воды, с черным силуэтом рубки подводной лодки, закричала:

— Наши, наши!

Ялик пришвартовался к борту подводной лодки, и матросы в «канадках» с капюшонами быстро стали сносить в надутый ими резиновый понтон тяжелые ящики.

Саня перепрыгнула из ялика на понтон к Фёдорову и Горегляду и стала помогать им в приемке оружия.

Дядя Сима, подтолкнув Курта, перебрался с ним на подводную лодку и, держась за поручень, направился к рубке. На ней в центре звезды белой

краской была выписана цифра «15».

Волны заливали верхнюю палубу. На лодке стучали дизели — шла подзарядка аккумуляторных батарей.

Командир подводной лодки, изредка освещаемый молнией, — коренастый, плечистый, в «канадке» с наброшенным капюшоном, — возле рубки покуривал трубочку, прикрыв ее ладонью.

— Здравствуйте, товарищ! — добродушно поздоровался дядя Сима. — Поздравляю с хорошей погодой.

— Мечта! — сказал командир и протянул руку, представился: — Капитан-лейтенант Волков!

— Гаевой. — Дядя Сима пожал ему руку.

У подводника было смешное доброе лицо с черными усиками. Живые, чуть с лукавинкой глаза смотрели спокойно и внимательно.

— Тут вот какое дело, — сказал дядя Сима. — Немчонка, вот этого, у отца мы отбили, отвезите на Большую землю.

— Беру, — коротко ответил Волков, оглядев Курта.

— Спасибо… — Дядя Сима замялся, вздохнул и добавил: — А еще одного человечка не прихватите?

— Вы что, у них детский сад в плен взяли?

— Нет, это уже своя… русская…

— Женщина?!

— Звоночек… девочка…

Волков задумчиво пососал трубку, потом с юморком, переходя на «ты», сказал:

— Вот свалился на шею! Ладно… Где он там, Звоночек?

Веди ее на борт!

Впрочем, приказав матросу проводить Курта в лодку, Волков сам пошел на корму встречать девочку.

— Только вы уж с ней как-нибудь пообходительнее, — предупредил дядя Сима, шагая за Волковым. — Мы ей — ни слова о Большой земле, — и крикнул на понтон: — Эй, Сань, иди сюда! Тут капитан с тобой хочет познакомиться!

Девочка живо перемахнула с качающегося понтона на борт лодки и уставилась на Волкова.

— А гармошка где? — спросил дядя Сима.

— В ялике…

— Горегляд, подай гармошку, — попросил дядя Сима и, получив ее, представил девочку командиру: — Ну, вот она… Поет как соловей-пташечка.

— Ну что ж, хорошо, — с улыбкой сказал Волков. — Шефский концерт нам дашь?

— Могу и шефский! — задорно тряхнула го-

ловой Саня и, взглянув на рубку, воскликнула: — Ой, а что это у вас здесь «пятнадцать»?

— Это мы столько кораблей потопили, — со сдержанной гордостью ответил Волков.

— О-го-го! — нараспев сказала Саня. — А они вас?

— Да всяко бывало. Но, как видишь, до последней приборки бог не доводил.

— А что это такое — последняя приборка?

— Люди гибнут, но чтоб на корабле все чисто было — такая традиция на флоте.

— Ну-у! — удивленно протянула Саня.

Дядя Сима вдруг присел перед ней на корточки, потряс ласково за плечи.

— Эх, Звоночек, Звоночек... — дрогнувшим голосом сказал он. — Ну, не робей! — И, поцеловав девочку в нос, прыгнул в ялик.

Горегляд с силой оттолкнулся веслом от подводной лодки — и за яликом на буксире потянулся тяжело груженный понтон.

— Дядя Сима, а я?! — спросила Саня и кинулась к борту. Но ее вовремя за рукав ухватил командир. — А меня?!

А меня, дядя Сим?! — отчаянно завопила Саня и стала вырываться из рук Волкова. — Предатели! Я вам так не дамся!

— Ой, кто предатель?! Ты что, забыла, — а шефский концерт?! Волков ловко перебросил визжавшую девчонку через свое плечо и по узкой палубе понес ее к рубке.

VIII

Среди ленивых волн под светлеющим рассветным небом в утренней дымке мчался белый бурун — перископ подводной лодки.

В большой, мерно раскачивающейся стальной трубе, в ее шести отсеках, кто спал, кто стоял на вахте. Выверенная до последнего винтика «Малютка» работала как часовой механизм — четко и слаженно.

В первом носовом отсеке — с камбузом и электроплитой — в торпедных аппаратах мирно лежали две двухтонные торпеды. Во втором — жилом — на узеньких койках, одна над другой, матросы посапывали во сне или читали книги.

В третьем, самом главном на корабле — центральном посту, — над маленьким штурманским столиком колдовал с линейкой в руках лейтенант Каширов — широколицый, с приплюснутым носом. Здесь же на горизонтальных рулях был боцман — мичман Козлов, с красными, воспаленными глазами; в наушниках сидел гидроакустик

старшина Ширяев; на станции погружения и всплытия — трюмные.

Старпом Меняйло, скуластый, с седыми висками, что-то записывал в вахтенный журнал.

Волков прошелся по лодке. Постоял в четвертом отсеке у амперметров и вольтметров аккумуляторных батарей. Перешагнул комингс и, пригнув голову, заглянул в пятый — дизельный, где весело звенели моторы, похожие на длинные саркофаги. Затем шагнул в шестой отсек — электромоторный, существующий на лодке для бесшумного хода под водой на аккумуляторах. Выслушав рапорт электриков, он наконец направился к себе в каюту, как всегда, приказав радисту:

— Если что — буди!

Однако соснуть часок-другой ему не пришлось.

Вскоре усталый и небритый радист, расшифровывая приказ из штаба флота, зашевелил губами:

— «Изменить курс… Следовать в район Севастополя. Торпедировать вражеский транспорт».

Расшифровал, задумался, и его мысленному взору вдруг очень ясно представилось, как где-то в море, в окружении эсминцев топает противолодочным зигзагом немецкое судно. Большое, в серую краску. Под белым флагом со свастикой. А

на борту — танки и артиллерия.

Прочитав радиограмму, Волков немедленно собрал в крохотной кают-компании своих офицеров. Он развернул перед ними на продолговатом столе карту района боевых действий и озабоченно сказал:

— Если нам изменили задачу — значит, дело серьезное. Видно, здесь поблизости нет никакой другой лодки, кроме нашей. И мы должны действовать наверняка. Скоро десант!

— Водный район Севастополя окружен минным полем, — хмуро заметил старпом Меняйло.

— Вот об этом и речь, — подтвердил Волков. — Но где нам лучше искать немца — внутри минного поля или снаружи?

— Естественно, внутри, — сказал старпом.

— Золотая голова! — похвалил Волков друга. — Внутри поля он как на ладони. Его сразу увидишь. А снаружи — пока его найдешь — язык высунешь. — Это, конечно, правильно, — вставил свое слово штурман Баширов. — Но как же мы войдем в Севастопольскую бухту? Ведь нам нужны незаминированные проходы. А где они — неизвестно.

— М-да, проходы неизвестны, — озабоченно сказал Волков. — Но, как сказала одна старушка,

а мы их поищем, поищем!

— Если не найдем — будем форсировать минное поле вслепую?

— Подойдем к минам — там видно будет, — сказал Волков. — В первый раз, что ли? — Он оглядел своих товарищей и, помолчав, добавил: — Задача ясна? Пройдите по отсекам и сообщите команде о новой операции!

Офицеры вышли из кают-компании.

Волков постоял еще немного с карандашом над картой, снял с ее краев круглые грузики, и она, сама по себе, свернулась в рулон.

А в каюте напротив, с койками в два яруса и тумбочкой, уже шла своя жизнь.

Свесив босые ноги, Курт сидел на верхней койке и, подперев ладонью подбородок, с любопытством наблюдал за Саней.

Она была чем-то раздражена. Перетряхивала одеяло, бросала из стороны в сторону подушку, становилась на четвереньки и заглядывала под койку. Потом, заметив взгляд Курта, накинулась:

— Ну, чего смотришь?! Мою ленточку для волос не видел?

— Найн.

— А гребенку — такую поломанную? — Саня была в майке и трусиках, с распущенными во-

лосами.

Курт с покровительственной усмешкой — о, женщины! — полез в свой китель, аккуратно висевший на крюке, и, достав из кармана расческу, протянул ее Сане.

Она небрежно бросила расческу на тумбочку и снова стала искать.

— Черт, черт, поиграй и отдай! — бормотала она. — И юбка куда-то запропастилась... У тебя там случайно на койке нет?

Курт не спеша откинул свою подушку, заглянул под узкий матрац:

— Найн!

— «Найн», «найн»! — передразнила его Саня. — Сам небось стащил, а теперь глазки невинные строит.

Саня приподняла газетку на тумбочке, а под ней — ой! — ленточка и поломанная расческа. Девочке стало стыдно перед Куртом, но она сказала:

— С врагом свяжешься — всегда так бывает.

В каюту, постучав, вошел Волков. Положил на тумбочку принесенные брезентовые робы.

— Тут сухое, — сказал он и, оглядев ребят, улыбнулся: — Ну, робинзоны, как спалось?

— Данке шон, — мрачно ответил Курт.

— Крокодилы виделись! — еще не забыв вче-

рашнего конфликта, огрызнулась Саня.

— Ух ты, как страшно, — улыбнулся Волков. — Тогда пойдем к речке, крокодил!

Он по-отечески оглядел ее не очень-то чистую майку, тронул рукой волосы. Потом через коридорчик подвел Саню к умывальнику.

В маленьком закутке он снял с себя китель, повесил его на крючок и взял в руки мыло.

— Слушай, а что это за человек рядом с тобой? — спросил он тихо у Сани. — Ты его давно знаешь?

— Кого? Курта, что ли?

— Ну да.

— Да какой он человек?! Фашист! Понятно?

— Что ты говоришь?!

— Это вы — что говорите? Ведь я-то могу быть пионеркой? А он — фашист!

— А что — верные слова… Ну ладно, наклоняй голову и закрой глаза.

— Вы что, меня мыть хотите? Я и сама могу.

— Делай, как тебе дядя Миша говорит!

— Дядя Миш, — усмехнулась Саня, — ну, честное слово, не надо!

— Ничего, потерпишь. — Командир решительно наклонил Санину голову и стал намыливать волосы.

— А вы как мама… — похвалила его девочка, —

только уж больно скребете.

— Посильней поскребешь — почище пойдешь, — сказал Волков, с удовольствием взбивая пену. — А у тебя мама где — в партизанском отряде?

— Не… ее убили.

— А папа? — перестав намыливать голову, спросил Волков.

— Он в гестапо сидит. Ну что ж вы не льете, глаза уже щиплет.

Волков открыл кран и лихорадочно заскреб Санину голову.

— Слушай, придем на Большую землю, будешь в моей семье жить… Хочешь?

— Не-а, я дядю Симу не брошу, он меня бросил, а я его — нет, — бесхитростно отвечала Саня.

— А я, что — плохой, да?! Вот спроси у моих дочек, какой я папа!

— А вы и Курта могли бы взять к себе?

— Могу и Курта, — серьезно ответил Волков.

— Да вы что, сдурели?! — ахнула Саня. — Я же пошутила!

— Звонок! — Волков легонько щелкнул ее по макушке за грубость. — Смотри у меня!

IX

Рыжеватый, веснушчатый кок, в белом колпаке и переднике, держа в руках бачок с кашей, вел за собой по коридорчику Саню и Курта. Подойдя к кают-компании, он легонько толкнул ногой дверь и, распахнув ее, спросил у сидевшего за столом Волкова:

— Разрешите войти?

Командир кивнул. Он был гладко выбрит, подтянут. Перед ним, на белоснежной скатерти, поблескивали три фарфоровых прибора.

— Здрасьте! Давно не виделись! — весело сказала Саня, заходя в каюту вслед за коком.

— А тебе кто разрешил войти? — вдруг, нахмурясь, спросил Волков.

— Никто… — опешила Саня.

— Закрой дверь, а потом снова войди и спроси разрешения.

Саня с Куртом попятились, закрыли за собой дверь и молча переглянулись. Потом Курт постучал в дверь.

— Да! — раздалось за дверью.

— Разрешите войти? — спросила Саня, заходя в кают-компанию.

— Я… можно вход? — повторил за ней Курт. — Гутен морген!

— Войдите!

— Здравия желаю, товарищ командир! — посмотрев на Курта, тут же выпалила Саня и села за стол.

— Здравия желаю! — сухо сказал Волков. — А кто тебе позволил сесть? Садиться можно только по моему разрешению. Ты на флоте!

Лицо у Сани вытянулось, она встала.

— Садитесь!

Наконец ребята уселись и в восторге уставились на сверкающий стол: сливочное масло! Галеты! Сгущенное молоко!

Салфетки! Хрустальный графин с водой!

Волков разглядывал ребят. Оба они были аккуратно причесаны, в чистеньких парусиновых брюках, с подвернутыми рукавами.

— Разрешите? — спросил кок, до сих пор с еле заметной улыбкой наблюдавший за сценой воспитания.

Волков сделал жест рукой, и кок стал раскладывать по тарелкам кашу с котлетами. Быстро протерев салфеткой две рюмки, он механически поставил одну перед Куртом, но тут же спохватился, переставил ее к командиру.

Волков налил в рюмку вина, сделал глоток и удовлетворенно чмокнул.

— Ну что, можно начинать? — нетерпеливо

спросила Саня.

— Можно…

— Унд их? — спросил Курт.

— Я… битте, — по-немецки ответил ему Волков. — Ним буттер унд кёзе.

— А что вы ему сказали? — ревниво спросила Саня.

— Возьми масло и сыр.

— А я?

— Ты и так не растеряешься! — усмехнулся Волков.

Курт намазал хлеб маслом и… протянул его девочке.

Волков взглянул на Курта, сделал знак коку, и тот подбавил мальчику каши.

Саня была очень удивлена такой галантностью мальчика и, порыскав глазами по столу, пододвинула к его тарелке соль и перечницу.

Кок и Сане подбавил каши.

— Ну хватит! — улыбнулся Волков. — Обмен любезностями окончен. Приступайте, а то каша остынет.

Ребята с удовольствием заработали ложками.

— …Вот когда я жил у дедушки, — с юморком продолжал Волков, — он у меня пастухом был…

— И вы на пастуха похожи… — сказала Саня,

откусывая с вилки котлету. — Схватили меня, как овечку…

Волков смущенно посмотрел на кока и вдруг приказал:

— А ну встать!

Саня с недоумением поднялась с места.

— Ты как разговариваешь с командиром?!

— А что я сказала? Пастух…

— С командиром так нельзя разговаривать! Понятно?

— Да…

— Садись!

Саня уткнулась в тарелку. Кок еле заметно улыбнулся — вот дает прикурить командиру! — и тут же погасил улыбку.

— Так вот, этот дедушка, бедный человек, — Волков поднял указательный палец, — имел восемь внуков. Восемь! И когда мы, мальчишки, дрались между собой, он всегда нам говорил: «Лучше худой мир, чем добрая ссора».

— Я знаю, к чему вы это говорите, — сказала Саня, посмотрев на Курта. — А я его все равно ненавижу… Он против нас, а вы его кормите… Лучше бы другому, нашему, дали… — И она отодвинула от себя тарелку.

— Что за демонстрация?! — Волков стукнул

пальцем по столу. — У вас что, в отряде дисциплины не было?!

Саня встала по стойке «смирно».

— А отвечать можно?

— Отвечай.

— Была! А вы — жалельщик!

— Что-о — «жалельщик»? Так вот запомни: для меня нет чужих детей! Детей! Тебе ясно?!

— Командира прошу срочно в центральный пост! — раздался в переговорной трубе голос старпома Меняйло.

Волков, утерев салфеткой рот, тут же выскочил из кают-компании.

Саня моментально состроила ему вслед гримасу и, посмотрев на кока, с ехидством сказала:

— Ну и командир у вас! То в дочки звал, а теперь — «встань» да «садись»! А я ему когда-нибудь такое скажу, вот в эту дырку, — она указала на переговорную трубу, — что он у меня сразу ляжет.

— Но-но! В это устройство только самые главные сообщения передаются, — погрозил пальцем кок. — А вообще-то такого командира, как у нас, еще поискать надо… Кстати, вы ешьте, а то на мину напоремся — и вся еда зазря пропадет.

И он добавил ребятам из бачка еще по одной котлете.

X

Войдя в центральный пост, Волков привычным взглядом окинул приборы: дифферентометр, глубиномер, кренометр, подошел к старпому. Оторвавшись от перископа, тот доложил:

— Товарищ командир! Мы идем вдоль кромки минного поля. Справа по носу фашистский катер вдруг резко изменил курс к Севастополю.

Волков приник к перископу и в светлом окуляре с перекрещивающимися нитями увидел среди серых волн качающийся предмет, похожий на спичечный коробок.

Командир долго вглядывался в окуляр, поворачивал перископ то вправо, то влево, осматривая горизонт. В его неторопливых движениях чувствовалась взволнованность, и в центральном посту наступила тишина.

В отсеках тоже умолкли разговоры. Подводники невольно поглядывали на переговорные трубы.

Курт, лежа на своей койке, бездумно глядел в подволок с зарешеченной лампочкой, тяжело вздыхал, ворочался. Потом вытащил из кителька, висевшего на крючке, глянцевую фотографию, на которой были папа, мама и он — счастливые, красивые, — и со слезами на глазах стал рассмат-

ривать дорогие ему лица. Все теперь для него было потеряно навсегда и безвозвратно.

Только Саня не замечала, что происходит на борту. Она сидела в жилом отсеке на койке и, расставив перед собой шахматы, хватала за руку каждого проходящего мимо нее матроса.

— Дядя Коль, в шахматишки сыграем?

— Не могу, занят, — отвечал кудрявый торпедист, спеша в первый отсек.

— Дядя Петь, на щелчки не хотите? Туру дам!

Но дядя Петя — сероглазый крепыш — торопился в центральный пост.

И вот Саня, вздохнув: «Эх, слабаки!» — стала играть сама с собой. Она быстро передвигала фигуры и бормотала:

— Ишь ты, хитрый какой, к пешкам подбирается! А я вот тебя накажу: хоп! — и конь в кармане. Ну что? Давай, теперь твой ход!

Случайно глянув в первый отсек, она вдруг насторожилась. Подождите, а что тут происходит? Кок застыл, как статуя! Торпедисты не шевелятся!

Оторвавшись от перископа, Волков вскинул свои острые глаза на Меняйло и с хитрецой спросил:

— А как вы думаете, почему этот катер сделал

такой маневр?

Старпом, почесав пятерней заросшую щеку, пожал плечами.

— Ну, мало ли что можно предположить…

— А если точно сказать?!

— Наверно, к теще на блины завернул, — сострил боцман.

Гидроакустик и трюмные заулыбались.

— Эх вы, асы! — сокрушенно вздохнул Волков. — Уж догадаться не можете! — и победно произнес: — Катер вошел в проход через минное поле! Следовать за ним!

В этот момент в переговорной трубе послышались звуки гармошки, и детский голосок заливисто запел:

Когда б имел златые горы
И реки, полные вина,
Все отдал бы за ласки-взоры,
Чтоб ты владела мной одна.

— Ты смотри-ка, Звонок! — удивился Волков. — Шефский концерт! — И, приложив губы к переговорной трубе, сказал: — Саня, ты что это распелась?

— А это чтоб гармошка зазря не пропадала,

если на мину напоремся, — послышался ответ в переговорной трубе. Лица подводников озарились улыбками. Рыжеватый кок баском стал подпевать Сане, и у них так хорошо получалось, что даже Курт с любопытством скосил глаза на переговорную трубу.

Широко растягивая гармошку, Саня, раскачиваясь, как подгулявший парень, стоя в торпедном отсеке, залихватски продолжала:

Не упрекай несправедливо,
Скажи всю правду ты отцу,
Тогда свободно и счастливо
С молитвой мы пойдем к венцу.

Вдруг в переговорной трубе раздалась команда по кораблю:

— Форсируем проход в минном поле!

Кок сразу сделал Сане знак — тихо! Но она, кивнув, дескать, сами знаем, что делаем, продолжала петь. Только шепотом.

Белый бурун от перископа подводной лодки резко свернул вправо. К Севастополю.

А когда в переговорной трубе снова раздалась команда Волкова: «Форсирование минного поля окончено! Саня, давай погромче!» — девочка положила гармошку на мешок с картошкой, подхватила в жилом отсеке шахматы и пошла к себе в каюту.

XI

Распахнув дверь, Саня в раздумье застыла на пороге.

Смотри-ка, вот еще новости! У Курта мокрые глаза!

Мальчик сразу отвернулся.

— Эй, тошнит тебя, что ли?

Курт молчал.

— Воды дать?

Мальчик не отвечал.

— Не хочешь — не заплачем!

Саня села на койку и задумчиво положила руки на колени. Потом, распахнув коробку с шахматами и зажав в кулачках две пешки — черную и белую, — ткнула рукой в спину Курту:

— Слышь-ко, выбирай!

Курт не оборачивался.

— В шахматы будешь играть? — продолжала Саня. — Или струсил? Давай, давай! — настойчиво толкала она его кулачком.

Курт дернул ногой — дескать, не приставай, но Саня потянула его за рукав робы, и мальчишка все-таки обернулся.

— Что вы хочешь? — спросил он.

— Давай в шахматы, а? — улыбнулась Саня. — Все равно мы из этой консервной банки никуда не денемся. — Она обвела взглядом каюту.

Курт ударил ладонью по ее правому кулачку, и Саня, разжав пальцы, сказала:

— О, тебе повезло — белые!

Курт спрыгнул на палубу, и они, усевшись на Санину койку, стали играть.

Курт обдумывал каждый ход. Саня, поводив рукой над фигурками, быстро хватала одну из них и со стуком ставила ее на новую клетку.

Но вот Курт взялся за коня и, пошатав его, в раздумье отпустил.

— А-а! Взялся — теперь ходи! — обрадованно сказала Саня.

— Я… я не браль! — опешил Курт.

— Не жуль, не жуль! Ставь коня, куда хотел!

— Я хотель другой ход… я думаль…

— А мне-то какое дело. Индюк вот тоже долго

думал, да в суп попал.

— Что есть «индюк»?

— А ты что, индюков ни разу не видел?

— Найн!

— Вот здорово! Ну такая большая курица — понимаешь?

— Да! А почему в суп?

— А куда ж индюка девать? Конечно, в суп! Ну ты мне зубы не заговаривай, ходи конем!

Курт пошел конем.

В центральном посту в переговорной трубе был слышен весь ребячий диалог. Волков добродушно покачал головой.

— Война, а дети всегда остаются детьми!

— Вот кому бы мирный договор подписывать! — сказал старпом.

— А ты где, во Дворце пионеров учился играть? — спросила Саня у Курта.

И осеклась. — Вот сказанула! Ну, кто тебя учил играть?

— Мой мама, — ответил Курт.

— А что делала твоя мама до войны?

— Рубашки для дам.

— А-а, портниха? — догадалась Саня. — По женской одежде?

Курт кивнул.

— На фабрика.

— А эта фабрика твоему отцу, что ль, принадлежала?

— Найн.

— Значит, ты не капиталист?

— Найн. Мой папа, когда есть молод, был слесарь.

— И мой тоже — рабочий. А знаешь, кто у меня мама была? На кондитерской фабрике работала. Вот уж где я конфет поела! А где твоя мама сейчас?

— Умер… — уткнувшись в шахматы, тихо сказал Курт. — Английская бомба…

В Саниных глазах застыла горечь. Она пристально взглянула на опущенную голову Курта и увидела, как у мальчика на скулах заходили желваки.

Саня схватила фигуру и со стуком поставила ее на новую клетку.

— Ой! — сказала она. — А можно я перехожу?

— Можно! — ответил Курт.

Саня сделала новый ход и снова спросила:

— Ой, а можно я по-другому?

— Можно! — опять ответил Курт.

Саня пошла другой фигурой, и тут Курт, сделав ход, объявил:

— Мат!

— Где мат? Какой мат? — встревоженно спросила Саня. — Ой, зевнула!

— Ти, русский, проиграль! — радостно сказал Курт. — Мой, Германия, выиграль! Я — победа!

— Что-о?! Ты — «победа»?! — возмутилась Саня. — Я тебе сейчас покажу, какой ты «победа»! Давай снова играть! Три партии!

— Найн, найн! Я — победа! — смеялся Курт.

— А хочешь, я тебе и слона и туру дам? — горячилась Саня. — И королеву хоть бери, а я все равно у тебя выиграю!

— Найн. Наин. Я — победа!

— Давай, немец, играй! — вдруг требовательно сказала Саня. — А то я тебе так доской тяпну, что ты у меня по-другому запоешь!

В этот критический момент в переговорной трубе послышался голос Волкова:

— Что за ругань на борту?! Саня и Курт — в центральный пост! Живо!

XII

— Разрешите войти? — спросила Саня, заходя в центральный пост.

— Я можно? — спросил Курт.

— Заходите! — сказал Волков. — Ну что, гросс-

мейстеры, на Севастополь хотите взглянуть? Вот, Курт, погляди-ка, что твой отец натворил!

Мальчик прильнул к перископу. В окуляре город был словно подернут тонкой кисеёй. На берегу виднелись пустынные улицы, черные руины домов. У пристани стояли корабли, по которым, словно муравьи, сновали люди — с корабля на берег и обратно. Там шла погрузка.

— Ты что к нему пристаешь? — зашептал Волков, склонившись к Сане. — У него, наверно, и так муторно на душе. Ведь как ни крути, а пленный!

— А я и не пристаю, я даже в шахматы с ним играла…

— А кто его доской хотел тяпнуть?

— Вы всё слышали?! — удивилась Саня, посмотрев на переговорную трубу.

— Да.

— Ух, фон барон вонючий! — Саня презрительно глянула на Курта.

— Ты вот что — брось это…

— А чего бросать? Я, что ль, не вижу: по маме плачет, а сам зуб на нас имеет!

— Да какой у него зуб! — усмехнулся Волков. — Ты бы ему объяснила, что теперь уже нечего с нами ссориться.

Ведь вся жизнь у него впереди. Придет на Боль-

шую землю — в детском доме будет жить…

— А если б я к фашистам попала, — серьезно сказала Саня, — я бы у них обязательно чего-нибудь натворила. Вот честное пионерское!

Курт судорожно сглотнул. Он увидел на берегу высокое здание с колоннами, в котором был штаб его отца. Мальчик прилип к перископу.

Волков тронул Курта за плечо.

— А ну-ка, дай теперь и Звоночку поглядеть!

Курт отшатнулся, кинул злобный взгляд на командира и, шагнув в сторону, застыл в оцепенении с опущенной головой.

Саня приложилась к окуляру и сразу воскликнула:

— Ой, наша улица! Дядя Миш, а дома нет! Дядя Миш, нашего дома нет!

Призма перископа заскользила по вымершим улицам и бульварам. Только памятник погибшим кораблям был цел и невредим.

У Сани по лицу текли слезы, но она молча, сжав губы, продолжала смотреть в окуляр.

Волков медленно отвернул перископ в сторону моря.

— Хватит, Звоночек, — ласково сказал он.

И вдруг Саня, еще не оторвавшись от глазка, спросила:

— А что это там, дядя Миш?

— Где?

Волков моментально приник к перископу.

— На горизонте. Там, где облака.

— Не вижу! Не вижу… — зашептал Волков. — А ну-ка, поверни!

Саня снова прильнула к перископу и чуть сдвинула его за ручку.

— Вот… корабли!

— Слева по носу шум винтов конвоя! — доложил акустик.

Волков опять посмотрел в перископ и, увидев в нем силуэты кораблей, со сдержанным волнением скомандовал:

— Боевая тревога! Боцман, ныряй! Торпедная атака! Полный ход! — и нажал на кнопку ревуна.

Отдыхавшие матросы вскочили с коек и кинулись к своим постам.

Так уж получилось, что, когда на лодке все пришло в движение, Саня и Курт друг за дружкой забежали в торпедный отсек. Кок задраил за ними дверь.

— Первый к бою готов! — доложил в переговорную трубу кудрявый торпедист.

Доклады в центральный пост шли отовсюду.

— Пятый к бою готов!

— Шестой к бою готов!

Ушел перископ с поверхности воды, растаял бурун над ним, и море стало пустынным и гладким.

Вдали на горизонте медленно вырастали мачты и дымовые трубы двух огромных транспортов.

Они шли в окружении эсминцев.

XIII

Пухленький лейтенант с белым флагом в руке по узкой тропинке карабкался в горы. За ним под дулами автоматов идущих следом солдат поднимался партизан Бычко.

Когда они достигли вершины утеса, перед ними открылась черная пропасть.

Пухленький офицер сделал повелительный жест Бычко и взмахнул белым флагом.

На противоположной стороне пропасти, из-за скал, незаметно для врага выглядывали Гаевой, Горегляд и Фёдоров.

— Э-эй, партизаны! — зычно закричал Бычко. — Сообщите своему командиру, что с ним хочет вести переговоры представитель полковника Эрхарда. Немцы стрелять не будут!

— Его, наверно, уже пытали, — с горечью сказал Фёдоров.

— Серафим Петрович, — прошептал Горегляд, — дозвольте, я с немцами буду говорить. — А разве ты у нас командир? — откликнулся Гаевой.

— Вас еще убьют…

— Раз белый флаг — не убьют.

— Им нельзя верить!

— Ну коли они сами с Бычко пришли, да еще с белым флагом, — значит, у них до нас какое-то серьезное дельце.

Гаевой вышел из-за скалы.

— Партизаны! — радостно замахав руками, крикнул Бычко. — Полковник Эрхард сказал: если вы отдадите ему сына, то моя жизнь будет спасена. Вот этот офицер, — он указал на пухленького лейтенанта, — может явиться к вам и принять мальчишку.

Гаевой и Горегляд переглянулись.

— Вот говорили мы вам — обменять! — с досадой шепотом сказал Горегляд.

— М-да… поторопился, — в раздумье ответил Гаевой и закричал через пропасть: — Передайте полковнику Эрхарду, что его сын Курт жив и здоров. Он вне опасности. Мы его вчера отправили на Большую землю на подводной лодке.

Офицер с белым флагом что-то сказал Бычко, и тот снова закричал:

— А где доказательства, что Курт ушел на подводной лодке?

— Доказательства будут после войны, — отвечал Гаевой. — Если полковник останется жив, он получит письмо. Больше других доказательств у нас нет!

— Вот и все, что я мог сделать, — сказал Бычко офицеру с белым флагом. — Они говорят правду. Даю вам слово.

Гаевой, Горегляд и Фёдоров увидели через пропасть, как по команде офицера солдаты вскинули автоматы.

— Серафим Петрович! — крикнул Бычко. — Электростанцию взорвали. Хотели гестапо... Позаботьтесь о Санечке!

Дробные очереди распороли горную тишину. Тело партизана рухнуло в пропасть.

Гаевой, Фёдоров и Горегляд, вытащив из-за кустов пулемет, стали бить по отступающим фашистам.

XIV

Прорвав кольцо конвоя, подводная лодка подплыла с правого борта фашистского транспорта. Из воды появился перископ — тонкий, округлый, словно головка настороженной кобры.

Солдаты на транспорте забегали в растерянности по палубе, закричали:

— Подводная лодка! — Где? Где?

— Вон бурун.

— Спокойствие! Это наша!

Верткие эсминцы ринулись к перископу. Но было уже поздно. Волков, дрожа от волнения, неотрывно смотрел в перископ. Торпедная атака!

Нос крупного корабля наполз на крест нитей в окуляре.

Волков протяжно скомандовал:

— Ап-параты! — и, выждав секунду, крикнул: — Пли!

В первом отсеке, заслышав в переговорной трубе «Пли!», кудрявый торпедист рванул рукоятки перепускных клапанов.

Лодка будто наткнулась на что-то мягкое.

— Торпеда вышла! — моментально доложил подводник в переговорную трубу.

Волков, глядя на секундную стрелку часов, считал:

— Раз, два, три…

— Попали?! — заглянув кудрявому торпедисту в глаза, с тревогой спросила Саня. Но тот сделал знак рукой: внимание!

Курт был бледным. Глаза у него по-волчьи рыскали по напряженным фигурам подводников. Тяжело дыша, он нервно теребил пальцами подол своей робы.

По воде к фашистскому транспорту тянулся

пузырчатый след.

— Цель! — коротко доложил акустик.

Над морем поднялся гигантский белый фонтан и, медленно обваливаясь по краям, стал оседать.

До лодки донесся тупой звук — бум!

— Ура-а! — заплясала Саня и накинулась на Курта: — А ты говорил: «Моя, Германия, — победа!» Вона как мы вашим засадили! — Ап-параты! Пли! — снова прозвучал приказ в переговорной трубе.

Над вторым транспортом взвился огненно-красный столб, и нос корабля вздыбился.

XV

Полковник Эрхард был невозмутим. Стоя на балконе белокаменного особняка, он видел в бинокль, как тонули два транспорта. За борт соскальзывали пушки, танки, минометы. Солдаты по наклоненным палубам катились, как на салазках, в воду.

Войдя в кабинет, полковник взял у радиста микрофон:

Бригаде катеров найти и уничтожить подводную лодку! Малым противолодочным кораблям закрыть проходы в минном поле! Сторожевикам конвоя оказать помощь гибнущему транспорту и

преследовать лодку. Она в капкане!

В окне было видно: от пирса в море рванулись три катера, вздымая белые водяные крылья, к месту гибели транспортов подходили два сторожевика, и с них уже стали спускать на воду шлюпки. Третий сторожевик, описав дугу, начал преследовать подводную лодку.

— Слева сорок! Надежный контакт с русской подводной лодкой, — докладывал фашистский гидроакустик своему командиру на мостик.

— Справа сорок! Сторожевик быстро приближается! — докладывал Волкову акустик в наушниках.

Командир поднял к подволоку глаза, и уже сам отчетливо услышал над головой шум винтов. Они работали на бешеных оборотах.

— В отсеках! Нас преследует сторожевик! — пытаясь быть спокойным, объявил Волков. — Сейчас будет серия бомб! Смотреть внимательнее!

Все втянули головы в плечи, сжались в комок.

Вдруг лодку тряхнуло и подбросило. Палуба ушла из-под ног. Волков отлетел от перископа и упал на Меняйло. Трюмных разбросало по сторонам. Запрыгали стрелки измерительных приборов, полопались электрические лампочки. В центральном посту погас свет. Из-под рубоч-

ного люка над головой хлынула вода. К люку кинулись матросы.

Волков, шатаясь и хромая, подошел к переговорной трубе:

— Включить аварийное освещение! Доложить обстановку в отсеках.

Тускло засветились лампочки аварийного освещения.

В первом отсеке на палубе — куча мала.

Кудрявый торпедист придавил собой Курта. Саня лежала на коке, остальные кто где — у плиты, на мешке с картошкой, под задраенной дверью. Откуда-то сбоку, из-под труб, словно из брандспойта, хлестала вода.

Поднявшись на ноги, задыхаясь от боли, кудрявый торпедист доложил:

— Центральный! В первом отсеке лопнул шов корпуса!

— Аварийная команда! В первый отсек!

— Не надо, сами справимся.

Кудрявый торпедист вместе со своим напарником — сероглазым крепышом стали затыкать пробоину.

Рыжеватого кока, видно, ранило серьезно. Полузакрыв глаза, он стонал. По его лбу стекала струйка крови.

Во время взрыва Сане тоже досталось. На виске появился синяк, роба испачкалась, из пальца — кровь. Соси не соси, а она все течет.

Пересилив боль, Саня попросила ошалевшего Курта подержать на своих коленях голову кока. Она залила его лоб йодом, положила на рану марлечку и ловко перевязала голову. Потом она, заглянув в аптечку, деловито сказала Курту:

— Тебе валерианку надо?

— Мы погибаль? — спросил он.

— Не каркай!

— Погибаль, я знай!

Саня с гневом поднесла ему под нос кулачок.

— А вот этого не нюхал?!

Курт ладонью отбил кулачок. Саня с вызовом, задыхаясь от волнения, встала.

— Ложиться на грунт! Стоп мотор! Выключить регенерацию. Лечь на койки. Соблюдать полную тишину! — вдруг послышался в переговорной трубе голос Волкова.

Саня посмотрела на кудрявого торпедиста:

— А зачем это?

— Нас с приборами будут искать, — сказал он. — Даже консервную банку нельзя открывать… Слышимость в воде хорошая.

Вода продолжала сочиться, и они вдвоем с серо-

глазым крепышом, наложив пластырь на разрыв, стали подпирать его плечами.

Саня, кивнув Курту — дескать, помогай, — отвела раненого кока в жилой отсек и положила его на койку.

Фашистский сторожевик с застопоренными моторами лениво покачивался на волне. Холеный командир с кортиком на поясе на штурманском столике просматривал газету.

— Капитан-лейтенант, что слышно? — раздался в приемнике голос полковника Эрхарда.

— Никаких признаков жизни, герр полковник! — доложил командир. — Я считаю, что лодка потоплена или легла на грунт.

— Следить!

— Так точно!

XVI

Сняв с себя сапоги, Саня по щиколотку в воде готовила для команды обед. Она налила в медный бачок воды, засыпала пшенной крупы. Прикрыв консервную банку тряпкой, бесшумно вскрыла ее и вывалила в бачок мясную тушенку. Включила электрическую плиту.

Торпедисты, подпиравшие плечами пластырь, из-под которого сочилась вода, были вне себя.

Они моргали Сане — дескать, сидеть, и никаких гвоздей! — выразительно шевелили губами и строили страшные лица. Но Саня, отвернувшись к плите, продолжала кухарничать — сыпала в бачок соль, перец, клала головки лука.

Изредка бросая взгляды на торпедистов, она показывала им руками: ну чего вы волнуетесь? Ведь я же умный человек и все понимаю! Но те никак не могли успокоиться.

На лодке была тишина. Офицеры, старшины, матросы, тяжело дыша — регенерация была выключена, — примостившись кто где, будто оцепенели.

Курт, безучастно сидя в торпедном отсеке на мешке с картошкой, исподлобья поглядывал то на Саню, то на торпедистов. Потом его внимание привлекла Санина гармошка. Глаза у него не по-доброму забегали. Но он был в какой-то нерешительности — пытался приподняться с мешка, потом снова садился. И вдруг, схватив гармошку, он растянул ее и, нажав на басы, со злорадной усмешкой стал сжимать и растягивать мехи.

Рев гармошки в тишине — словно новый удар бомбы.

Торпедисты, отскочив от пластыря, кинулись к Курту. Вырвать у него из рук гармошку! Вырвать!

Но он сопротивлялся, волчонок.

— Что за шум?! — раздался в переговорной трубе голос Волкова.

И тут гармошка, пискнув, умолкла. Корявая рука торпедиста сжала Курту горло.

Командир знал — в этот момент на дежурившем немецком сторожевике гидроакустик завопит: «За кормой шум!

Бомбы! Скорее бомбы!» И в море по направляющим планкам полетят глубинные бомбы. — Полный вперед! — властно скомандовал Волков. — Уходим в минное поле. Они за нами не пойдут! Слушать забортные шумы и докладывать!

Чуть подняв нос, подводная лодка снялась с грунта и тронулась к минному полю.

— Какие новости? — запросил по радио полковник Эрхард. — Я слышу взрывы.

— Лодка обнаружена, герр полковник! — доложил холеный командир с кортиком на поясе. — Мы ее настигаем!

— Уничтожить во что бы то ни стало!

— Так точно!

В кабинет к полковнику Эрхарду вошел пухленький лейтенант.

— Герр полковник, разрешите доложить! — козырнул он. — Ваш сын на подводной лодке

отправлен русскими на Большую землю.

— На подводной лодке?! — переспросил Эрхард и посмотрел в окно.

— Да.

— Когда?

— Вчера!

— Не может быть! — Эрхард подошел к рации и приказал: — Прекратить преследование подводной лодки! Вы слышите? Немедленно!

Холеный командир на мостике сторожевика, услыхав новый приказ полковника, обалдело развел руками и скомандовал:

— Лево руля!

XVII

На глубине на подводную лодку надвигались мины. Поставленные на разных ярусах, они покачивались на тросах — минрепах, как воздушные шары.

Застыли, затихли на боевых постах люди. Шутка ли сказать — пройти сквозь минное поле, да еще вслепую! «Заденем или не заденем?» — вот единственный вопрос, который был у всех сейчас на уме. Волнение и простой человеческий страх словно околдовали команду, и она была как в гипнотическом состоянии, выжидая только один

звук — скрежет за бортом.

В первом отсеке два друга — кудрявый торпедист и сероглазый крепыш, — прильнув к бортам, словно окаменели. Заделанная пробоина уже не сочилась. Курт, подперев подбородок кулаками, с невидящими глазами сидел на мешке с картошкой. Саня в глубокой задумчивости бесшумно помешивала в бачке еду.

— Дядя Петь, а что ему сделают? — спросила она, глянув на Курта.

— Его командир расстреляет, — прошептал кудрявый торпедист.

— Сам?!

— Зачем? Мне, например, прикажет, я и сделаю!

— И не побоитесь?

— С подлецами у нас разговор короткий! — ответил сероглазый крепыш.

— Та-ак… — сказала Саня, глядя на Курта. — Поиграл на гармошечке? — Потом в ее глазах мелькнула недетская озабоченность, и она снова обратилась к кудрявому торпедисту: — Нет, а вы это… серьезно? — Кто ж такими вещами шутит. Выдал — расстрел!

— И привет вашей тете! — мрачно добавил сероглазый крепыш.

— Прекратите всякие разговоры! — оборвал этот диалог командир. — Слушать! Курт поднял глаза. Он знал, на что шел, когда в тишине рванул гармошку. Совершить подвиг — к этому он всегда стремился. Он хотел погибнуть вместе с лодкой, но попасть под расстрел?! До него только в эту секунду дошел страшный смысл этих слов. За бортом послышался царапающий звук!

— В центральном! — приглушенным голосом произнес торпедист. — В районе первого отсека минреп с правого борта.

— Право на борт! Стоп мотор! Боцман, почему тяжелеет нос?

Вдоль корпуса лодки медленно скользил минреп. Его скрежет был слышен всем. Он продвигался с носа на корму, и лодка, чтобы не намотать минреп на винт, делала поворот вправо, огибала его. И вот скрежет прошел.

— Оторвались! — счастливо выдохнул Волков.

Но едва подводники избавились от первой опасности, снова раздался голос кудрявого торпедиста:

— В центральном! С левого борта странное постукивание.

— Что может быть? — спросил Волков.

— Неизвестно!

— Соблюдать полное спокойствие! — Волков обтер потное лицо.

Теперь уже не минреп, а круглая огромная мина, раскачиваясь на глубине, касалась борта подводной лодки: тук! тук! тук!

Саня, провожая это постукивание поворотом головы, невольно отстранялась от левого борта, и вдруг у нее за спиной что-то зашипело. Она с ужасом обернулась и увидела… что кипит каша! Быстро отключив электроплиту, она снова уставилась на левый борт.

А нервы у Курта не выдержали. В его глазах загорелся смертельный испуг, лицо исказилось. Еще секунда — и он закричит, забьется в истерике, и эта истерика, чего доброго, передастся людям.

Но не тут-то было. Кудрявый торпедист тяжело положил свою ладонь на плечо мальчика.

— Прикуси язык! А ну!

Курт послушался. На его губах даже выступила кровь. Потом закрыл лицо руками и всхлипнул — жалобно, совсем по-детски.

Стук за бортом становился все глуше и глуше и наконец исчез.

— По кораблю: оторвались! — облегченно вздохнув, сказал Волков. — В первом!

— Есть в первом! — ответил кудрявый торпедист.

— Кто там плачет? Саня?

— Дядя Миш, вы что? Это Курт! — оттолкнув от переговорной трубы кудрявого торпедиста, с обидой сказала Саня.

— Отставить плач!

— Есть отставить! А как?

— Любым путем!

Саня подошла к Курту, ласково потрепала по плечу, потом, взяв его за подбородок, заглянула в заплаканные глаза и через силу… улыбнулась.

Курт выразительно посмотрел на Саню.

Подводная лодка еще минут десять шла зигзагами среди мин, медленно, осторожно, настойчиво, — и они на ее пути стали встречаться все реже и реже.

Вскоре, глянув на часы, Волков скомандовал:

— В отсеках! Форсирование минного поля окончено.

Саня оторвалась от электрической плиты и ликующим голосом закричала в переговорную трубу:

— В центральном!

— Есть в центральном! — взволнованно отозвался Волков.

Все в лодке насторожились — неужели опять минреп?!

— Обед готов! Пшенная каша с мясом!

Хохот прокатился по лодке. Смеялись дизелисты, электрики, торпедисты.

Смеялись Волков, Меняйло, Баширов…

Девичий крик после страшного нервного напряжения был словно первой доброй вестью о солнце!

XVIII

— Штурман, прокладывай курс домой! — приказал на радостях Волков. — Продуть среднюю!

Трюмные на станции погружения и всплытия быстро завертели рукоятками. Но старшина трюмных, посмотрев на глубиномер, вдруг еле слышно сказал Волкову:

— Товарищ командир! Лодка всплыть не может! Считаю, что при взрыве бомбы были повреждены клапаны носовой вентиляции!

Волков вздрогнул.

— Тихо, тихо, — сказал он старшине и повернул голову к штурману. — Где мы находимся?

— По моим расчетам, — ответил Баширов, — в районе разрушенного маяка.

— Повезло… нечего сказать, — как бы про себя

в раздумье произнес Волков и отдал приказ по кораблю: — Внимание! Мы находимся на виду у немцев! Будем всплывать ночью! Раздать обед! — И тихо — к старпому: — Двух водолазов за борт.

— Есть! — козырнул Меняйло.

В кают-компании уже хозяйничала Саня. Она достала из шкафчика ножи и ложки, обмахнула тряпочкой глубокую тарелку, протерла рюмочку и принялась, что-то напевая, резать хлеб.

Курт в жилом отсеке кормил с ложки раненого кока.

Когда Саня поставила перед пасмурным командиром тарелку с кашей, над головой раздался стук кувалд.

— Дядя Миш, а что это? — присев, испуганно спросила Саня.

— Да так… — делано улыбнулся Волков. — Кое-что исправить надо.

Перед ним в тарелке была дымящаяся гора каши.

— Ого! — одобрительно чмокнул он, попробовав ложку. — Только соли маловато.

Саня услужливо подала ему солонку и спросила:

— А сесть мне можно?

— Садись!

Усевшись напротив Волкова, она, счастливая, стала украдкой наблюдать за тем, как он ест. А ел он, к ее огорчению, совсем без аппетита.

— Дядя Миш, может, невкусно, а? — спросила она.

— Да нет же, — рассеянно ответил Волков, — как у настоящего кока.

— А чего ж вы понемножку берете?

Волков посмотрел на свою ложку и, чтобы не обижать Саню, черпнул ею с верхом.

— Вот так и ешьте! — наставительно сказала Саня. — А то какой же вы подводник…

Вот знаете, как у нас в отряде мой папа и дядя Сима ели — прямо буханку хлеба враз…

Если, конечно, он был…

— Ты команду всю покормила?

— Да.

— А Курта?

— Нет.

— Почему?!

Саня колким взглядом посмотрела на командира, но, опустив голову, сказала:

— Есть!

Войдя в лодку через рубочный люк, два водолаза — кудрявый торпедист и сероглазый крепыш — стащили с себя маски. В шуршащих костюмах,

оставляя на палубе мокрый след, они прошли по коридорчику в кают-компанию и доложили:

— Товарищ командир! Повреждение исправить нельзя!

XIX

Они делали последнюю приборку. Перетряхивали постельные принадлежности, обтирали ветошью воздушные магистрали, укладывали в рундуки обмундирование и личные вещи.

Собравшись в жилом отсеке, подводники почти не смотрели друг на друга. Тускло горели аварийные фонарики и один за другим гасли. В тяжелом и спертом воздухе дышалось все хуже и хуже.

— Кто без приказа начал последнюю приборку? — строго спросил Волков. — Прекратить!.. Так вот что, дорогие друзья! Повреждение мы исправить не можем. Самое большое, что мы здесь продержимся, ну сутки-двое. До берега пять миль. Но там немцы. Кто за то, чтобы выйти на поверхность и сдаться в плен?

Он медленно оглядывал подводников, но никто из них не проронил ни слова.

— Так. Ясно, — переведя дыхание, сказал Волков. — Продолжать последнюю приборку! Но Саню мы должны выпустить. Кто «за»?

— Она ведь тоже к немцам попадет, — сказал старпом Меняйло.

— Пусть хоть на солнце взглянет, свежим воздухом подышит! — задыхаясь, мечтательно сказал кок.

— Да о чем тут толковать, мы все «за»! — улыбнулся Сане штурман Баширов.

Волков подтянул Саню к себе за руку и, положив ей на плечи руки, ласково сказал:

— Ну вот и все, Звоночек! Ты сейчас должна покинуть лодку. Попадешь к нашим — расскажешь как было. Поймают немцы — молчи! Прощай, Звоночек! — Он обернулся к матросам: — Приготовить комбинезон и торпедный аппарат.

Кудрявый торпедист и сероглазый крепыш помогли Сане натянуть резиновый костюм, объяснили, как пользоваться дыхательным аппаратом.

В этих сборах почти каждый хотел принять участие.

— Ты, Санечка, коли выпадет тебе счастье, — говорил старпом, — разыщи мою семью в Саратове. Хорошо?

— Обязательно, — печально ответила Саня. — Вы не беспокойтесь, мое слово закон.

— А фамилию мою запомнила?

— Меняйло. Я все ваши фамилии помню.

— Вот умница!

— В моей деревне, Саня, побывай, — сказал кудрявый торпедист. — Так-то и так, доложишь и привет передай бабушке Аксинье… Отцу — привет… Жалко старика… Один теперь останется.

— Я, дядя Коль, кровь из носу, а разыщу вашего отца, — всхлипнула Саня. — А я-то, идиот, запрос в медицинский институт написал! — вдруг весело сказал рыжеватый кок, приподнявшись на койке. — После войны хотел учиться, а сам в Дельфиноград угодил!

Курт понимал все: он останется с экипажем на дне — и с нескрываемой завистью смотрел на девочку. В его глазах была предсмертная тоска.

— Теперь, Звоночек, давай последнюю, на прощанье, а? — сказал Волков, подавая Сане гармошку.

— А какую вы хотите? — Любую.

Она задумалась, выбирая песню, и вот, по-ухарски растянув меха, заголосила:

Вдоль по Питерской
Да по Тверской-Ямской…

Она исполнила эту песню всю, до конца, и вдруг в наступившей тишине спросила:

— Дядя Миш, а я доплыву? Пять миль — это сколько километров?

— Считай, девять… Доплывешь! Тебя дыхательный мешок будет поддерживать…

— Ой, девять километров до берега! А если не доплыву?…

Саня положила голову на гармошку, словно раздумывая — уходить ей из лодки или не уходить?

— А что нам с этим господином делать? — спросил Волков, взглянув на Курта.

— Пусть с нами на тот свет отправляется, — решительно сказал кудрявый торпедист.

— Но подождите, он же ребенок.

— Не выпускать!

— Задушить такого мало!

XX

В кабинет к полковнику Эрхарду вошел командир сторожевика.

— По вашему приказу явился, герр полковник!

— У меня к вам один вопрос, — отрываясь от стола, сказал Эрхард, пристально глядя на вошедшего. — Вы потопили подводную лодку русских или нет?

Командир растерянно повел глазами. Что отвечать: потопил или нет?

— Я думаю, что — да!

— Разбомбил?! — В глазах полковника вспыхнул ужас, непонятный для командира сторожевика, но внешне он был спокоен.

— Ну… Я точно не могу ручаться. Может быть… и нет…

— Нет?! Какие у вас данные?

— Собственно говоря, мы это обстоятельство ничем не можем подтвердить.

Но если бы мы ее подорвали, то на воде, например, было бы масло… обломки…

— А этого вы не видели?

— Нет, герр полковник. Но мне думается, что лодка не прорвалась сквозь минное поле. Хотя по ее дерзости можно судить, что там был опытный командир.

— Значит, вы думаете — погибла?

— Вам правду сказать? Да!

— А другой какой-нибудь лодки в нашей бухте обнаружено не было?

— Нет!

XXI

Два черных маленьких силуэта медленно поднимались на поверхность. Отделившись от подводной лодки, они всплывали, словно два

облачка, — в серебряных пузырьках воздуха из дыхательного мешка. Вода с каждым метром становилась все светлее.

И вот — солнце!

Саня, сбросив маску, плыла рядом с Куртом, то на боку, то на спине. Обессиленный мальчик захлебывался, и Саня, подныривая под него и выталкивая его из воды, то и дело помогала ему хватить лишний глоток воздуха.

Море было синим, с длинной волной и переливающимися бликами.

Из-за кирпичной стены разрушенного маяка фашистский часовой оглядывал море в бинокль. И вдруг среди волн показались две странные точки. Они вроде бы двигались.

Часовой с минуту разглядывал их, потом поднес к уху трубку полевого телефона.

— Герр майор, в море люди! — возбужденно доложил он.

Вскоре из-за мыса с маяком вылетел быстроходный катер с майором Харманом на борту и устремился в море.

Саня и Курт, вытащенные из воды матросами, плашмя упали на палубу. Еще бы немного — и поминай их как звали!

Харман не мог оправиться от изумления.

— Курт?! Ну и бывает в жизни! — ходил он вокруг ребят. — А эта девочка откуда? Курт, ты слышишь меня?!

Курт не отвечал.

В полусброшенных водолазных костюмах они лежали на палубе, словно в забытьи, и жадно дышали, дышали…

Саня дрожала от холода. В просторном доте с пулеметами в амбразурах, с ковром на полу и фотографиями красивых женщин на стене она сидела в мокрых трусиках и маечке и затравленно озиралась.

Курт хлопотал возле нее. Дал укрыться чьим-то кителем, сунул под ноги большие ботинки. Потом наполнил из фляжки алюминиевый стаканчик и поднес его девочке.

Саня сделала глоток и поперхнулась. А Курт разом опрокинул стаканчик в рот и счастливо улыбнулся.

Еще бы, он был дома!

— Герр полковник! — подобострастно докладывал Харман по телефону. — Честь имею доложить, ваш сын, как Нептун, явился со дна моря целым и невредимым! Я клянусь вам — жив! Он прибыл с подводной лодки русских, которая затонула! Да, да — лежит на дне! И еще он девочку доставил

сюда! Лет двенадцати! Сообщил, что она партизанка! Что вы говорите? Вы сейчас выезжаете к нам? А девочку? Задержать? Да вот, он сам уже берет трубку!..

— Папа, здравствуй, — сказал в телефонную трубку Курт. — Жив! Жив! Алло?! Алло! Герр майор, что это такое? Связь прервалась.

Майор Харман тоже покричал в трубку, но безрезультатно.

— Скоро здесь мой папа! — поделился с Саней своей радостью Курт.

— Дети, дети! — добродушно захлопал в ладоши Харман. — Вы сейчас будете обедать! Курт, ты останешься здесь, а девочка пойдет со мной. Весьма возможно, ваша одежда уже высохла на солнце.

— Прекрасно! — сказал Курт и прыгнул на широкую кровать.

Саня, не глядя на него, пошла к дверям за Харманом.

Вдруг Курт, весело покатавшись по кровати, тревожно поглядел на дверь и выскочил из дота.

— Герр майор! — крикнул он Харману и требовательно приказал: — Обед на двоих! Мы будем обедать с девочкой в доте!

— Но Курт… — попробовал возразить Харман.

— Вы слышали, герр майор?! — Курт повысил голос. — Когда наша одежда высохнет — принести! Иди здесь, Звонок!

XXII

В то время как полковник Эрхард, в сопровождении двух грузовиков с автоматчиками, мчался в легковой машине по горной дороге, Курт и Саня медленно шли вдоль берега моря. Он был опутан колючей проволокой, изрыт траншеями. В скалах чернели амбразуры с пулеметами. В кустах на площадках стояли замаскированные пушки.

Саня, погруженная в свои думы, шла за Куртом как слепая.

Они поднимались все выше и выше в гору, мимо дотов и солдатских палаток. Дорогу им преградил часовой.

— Пропуск!

— Я — сын полковника Эрхарда, — властно сказал Курт и, кивнув на Саню, добавил: — Она со мной!

Пожилой часовой со шрамом на щеке оглядел ребят в белых робах, всмотрелся в лицо Курта, улыбнулся и сделал шаг в сторону.

Они карабкались по узкой тропинке среди цепкого кустарника. Молча, друг за другом. Сане

было непонятно: куда? зачем? Она хотела отдышаться, но Курт упрямо тянул ее за руку.

Зайдя за скалу, он выглянул из-за выступа, словно хотел убедиться — не идет ли кто следом? — и, вдруг присвистнув, сделал Сане знак рукой — уходи!

Девочка не поняла этот жест. Вернее, она была далека от той мысли, которая пришла Курту в голову. Тогда он повернул ее спиной к морю и, легонько ткнув пальцем в плечо, сказал:

— Ти есть свобода!

Саня мгновенно обернулась, внимательно посмотрела на мальчика и, недоверчивая, вдруг увидела его словно в новом озарении.

XXIII

В утреннем тумане десант был внезапным и мощным. Под прикрытием линейных кораблей и эсминцев широкий веер катеров и десантных барж устремился к берегу. Сотни моряков с криками «Ура-а!» — по грудь в воде, стреляя из автоматов, ринулись на вражеские укрепления.

По десанту был открыт бешеный артиллерийский и пулеметный огонь. Но, несмотря на близкие разрывы, на смерть товарищей, матросы, бросая бушлаты на колючую проволоку и

переваливаясь через нее, всё лезли и лезли вперед к траншеям. В разных местах на берегу уже завязались рукопашные схватки.

Десант остервенело атаковали «юнкерсы» и «фокке-вульфы». Но, встреченные огнем бортовых батарей и подоспевшими краснозвездными истребителями, отвалили в море.

С гор наступал партизанский отряд во главе с Гаевым, Фёдоровым и Гореглядом. Спускаясь к берегу, партизаны перебегали от камня к камню и стреляли из автоматов, бросали гранаты.

За ними, маскируясь в кустах, пригибая голову, с санитарной сумкой на боку в белой робе бежала Саня. Она отважно перевязывала раненых, отводила их под скалы, в безопасное место. Часть берега была уже отбита у фашистов. Матросы брали их в плен, а тех, кто в траншеях сопротивлялся, — решительно добивали. Так отправился на тот свет майор Харман.

Особенно упорным оказался дот. Подступиться к нему было трудно, он мог держать круговую оборону. Шквальный пулеметный огонь из него косил всех направо и налево.

Из этого дота полковник Эрхард руководил боем, отдавал приказы по рации и телефонам. Он был спокоен, сосредоточен, поглядывал в стерео-

трубу на приближающихся русских.

Курт подносил пулеметчикам коробки с лентами, изредка опасливо заглядывая в амбразуры. Он видел — круг сужается. И когда со стоном от пулемета отвалился один солдат, а возле другого за амбразурой разорвалась граната и он, ослепленный, опрокинулся навзничь, — Курт отбросил от себя коробку с лентой и с укором посмотрел на отца. Тот в ответ бешено сверкнул глазами.

— Продолжать бой! К пулемету!

Дот встряхнуло, видно, рядом упала бомба, — и третий пулеметчик рухнул на ковер.

В доте остались двое — отец и сын. Оглушенный взрывом полковник с помощью Курта поднялся с пола, постоял, шатаясь, и, придя в себя, шагнул к пулемету.

— Папа! Папа! — дергал его за рукав Курт.

Но тот словно сошел с ума, — стиснув зубы, стрелял и стрелял. Вот он увидел девочку в белом, перебегающую от камня к камню, прицелился — и пулемет остервенело задрожал под его рукой.

Курт заглянул в амбразуру и… повис на руке отца.

— Не дам! — закричал он.

Но отец в бешенстве отшвырнул его и снова встал за пулемет.

Тогда Курт, не помня себя, с искаженным лицом вцепился в отцовские руки и ударил его головой в подбородок.

Отец отлетел от пулемета.

— Курт, мальчик мой, что ты сделал?! — словно очнувшись ото сна, спросил он.

А когда за бетонированным дотом раздалось «ура-а!», он выхватил из кобуры пистолет.

— Папа! — взмахнул руками Курт, словно мог загородиться от свинца.

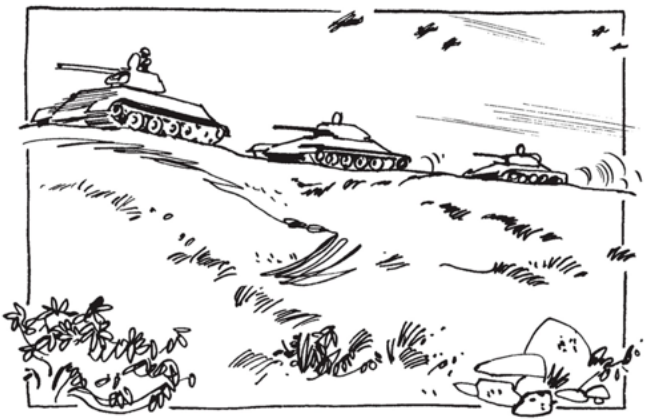
Раздался выстрел, и вслед за ним полковник Эрхард приставил дуло к своей груди.

Первым в дот ворвался Гаевой с партизанами. За ними — Саня.

Она подбежала к Курту, склонилась над ним и бережно положила его голову на свои коленки. Глаза у мальчика были словно живые. Но он уже ничего не видел и не слышал.

Только ветер шевелил его русую челку.

Мальчик и танк



I

Пионеры строили запруду на ручье.

Ребячий оркестр выдувал из сияющих на солнце труб краковяк. Мягко бухал барабан, оглушительно звенели тарелки. Курносые и веснушчатые музыканты в белых панамках играли, пританцовывали.

Мальчики, те, кто постарше, вкатывали на

плотину тачки с влажной лоснящейся глиной, сколачивали высокий трамплин для прыжков, таскали тяжелые камни.

Девочки — кто лопатой, а кто просто руками — рубили, выдергивали по краям будущего водоема кустарник и бросали его в жаркий костер.

Босые ноги, приплясывая, трамбовали глину.

На строительной площадке командовал пионервожатый Костя Малышев. В белой майке-безрукавке, невысокий, мускулистый, с твердым подбородком (на вид — сам подросток), он поспевал всюду: помогал девочкам рассыпать песок на «пляже», вбивал с размаху гвоздь, который шалил у незадачливого мастера, перехватывал у маленького тяжелую охапку ветвей.

И вдруг Костя услыхал озорной отчаянный крик:

— Полундра! Спасайся кто может!

С горы к плотине мчался Мишка. Это был чернявый, жилистый мальчишка-шестиклассник, с веселым простодушным взглядом.

Телега по инерции неслась на всех парах. Она разогнала оркестрантов, проехалась по костру. Как по гигантскому ксилофону, прогрохотала по разложенным доскам.

Пролетая мимо Кати Горобец — круглолицей

улыбчивой девочки с двумя косичками-растопырками, — Мишка весело гаркнул:

— Катька, прощай!

Он пытался объезжать препятствия, так и сяк управлял оглоблями, но справиться со взбесившейся колымагой уже не мог.

Подняв фонтаны брызг, телега влетела в воду и перевернулась. Ребята на берегу застыли в изумлении.

Но вот над водой показалась Мишкина голова, он отфыркался, посмотрел вокруг и, довольный, загоготал. На огромном барабане, покачиваясь на воде, сидел с вытаращенными глазами маленький лопоухий мальчишка.

К воде решительно зашагал Костя.

— Ну, саврасушка, рад?! — процедил он сквозь зубы. — А кнута за такие штучки не хочешь?

— Хочу... — шутливо улыбнулся Мишка и, бросив взгляд на Катю, дескать, ну как — понравилось? — медленно пошел из воды.

Костя перескочил через бревно и с угрожающим видом побежал ему навстречу.

Тогда Мишка повернулся и рысцой тронул от него.

Но странный нарастающий гул перекрыл веселый говор ребят, сбегавшихся к месту про-

исшествия.

Из-за леса на гребень холма с желто-зеленым полем пшеницы выехала колонна грохочущих танков и устремилась по пыльной дороге за косогор. В открытых люках стояли командиры.

— Ура-а! Маневры! — вдруг, как мальчишка, радостно закричал Костя. — Красные! Вон, видите, в первом танке — это, кажется, мой отец! К границе идут!

В голубом небе появились клинья черных самолетов. Вдали над молодым леском и, казалось, над самой пионерской мачтой раскрылись десятки парашютов.

— Десант на деревню! — загалдели ребята.

— Да какой — на деревню?! На мост!

— Глядите! Глядите! Они в речку падают!

— Ничего с ними не сделается! Тренированные!

— Ой как красиво! — кричала Катя. — Словно одуванчики!

— Ух, вот драчка начнется! — восхитился Мишка и в знак примирения с Костей добавил: — Костя, а к нам на костер командиров можно пригласить?

— А что?! Сойдет! — согласился Костя и, обернувшись к оркестрантам, взмахнул, как дирижер,

руками и закричал: — Оркестр, краковяк!

Над ребячьей стройкой снова грянула музыка, и девчонки, как козочки, весело запрыгали на лугу.

Из-за кустов вышел белобрысый человек в красноармейской форме. Огляделся, вскинул автомат и дал очередь в воздух.

— Товарищ, мы тоже красные! — обрадованно замахал руками Мишка и побежал навстречу белобрысому.

Но тот, оскалив зубы, снова дал очередь.

Три пули, к счастью, никого не задев, прошили барабан.

II

В пионерском лагере, с добрым десятком голубых корпусов и подсобных строений, сегодня все было как вчера.

На большой клумбе красовалось число «22 июня 1941 г.», аккуратно выложенное садовником из цветов. В зооуголке серенький зайчишка торопливо обкусывал морковку. Над летней кухней под навесом мирно вился белесый дым.

Но вчерашний день уже был немыслимо далек. На кухонном дворе, за спальными корпусами, фашисты быстро усадили в грузовик начальника

лагеря, завхоза, старшую пионервожатую, врача и вообще всех взрослых, и машина тронулась за ворота. С тех пор их больше никто и никогда не видел.

Гитлеровские солдаты, негромко переговариваясь, с сосредоточенными лицами натягивали поверх волнистого лагерного забора колючую проволоку.

В пионерской комнате Костя на скорую руку проводил с группой ребят экстренное совещание.

— Мы должны надеть парадную форму! — говорил он. — Передать всем мой приказ!

— Ага, — тихим голосом сразу согласился лопоухий мальчишка. — Может, они тогда ругаться не будут.

— Наряжаться перед гадами? — Узколицый паренек с марлевой заплаткой на лбу сверкнул глазами. — Никогда!

— А я надену! — вдруг сказал Мишка. — Костя прав:

«Врагу не сдается наш гордый «Варяг»»! Ясно?!

Катя, сдвинув брови, испуганно посмотрела на Мишку и спросила:

— «Последний парад наступает»?

...На звездообразной линейке был выстроен

весь лагерь. Ребята пришли сюда в парадной форме — в белых рубашках и в красных галстуках.

На груди у Кости, стоявшего на правом фланге, блестел значок «Будь готов к труду и обороне». Все застыли, словно по команде «смирно», растерянные, притихшие, некоторые со слезами на глазах.

Одутловатый, очкастый немец, видно большой начальник, — перехваченный скрипучей портупеей, в фуражке с высокой тульей, на которой был череп и скрещенные кости, с железным крестом на кителе, — неспешно поднялся на трибуну.

Следом за ним — вертлявый человечек с длинным носом.

Очкастый заехал в лагерь, чувствовалось, ненадолго. Он прикатил в открытом пикапе, в котором, словно проглотив штык, надменно восседал худощавый шофер. Над крылом машины поднималась радиоантенна.

Держа меж пальцев сигарету, очкастый медленно поднес ее ко рту и глубоко затянулся.

— Мальчик и девочка! — вдруг спокойно, деловито обратился он к пионерам. — Теперь ваш — как есть сказать?... Да! Воспитатель — Рудольф Штарке! — Он указал на вертлявого, длинноносого человечка. — От лица Германия я поздравляй

вас с день свобода от коммунистической власть. Через три дня я отправляй вас в Германия. Там будет вам тихо и покой. Там будет некоторый учиться, другой пройдет спецобработка. Ви должен благодарить наш зольдат на новый порьядок! Я приказывай сниять красный хальстук!

Он обвел взглядом пионерский строй и в удивлении приподнял брови: ребята не пошевельнулись, но мальчик со значком на груди (это был Костя) показал кому-то кулак.

— Я приказывай сниять красный хальстук! — повторил очкастый, повысив голос. — Ви понял нас?!

— У кого трусики от страха сползли, подтянуть! — шуткой ободрил ребят Костя.

Кое-кто из ребят заулыбался, подтянул трусики.

И снова очкастый обратил внимание на мальчика со значком.

Мишка и Катя, прислушиваясь к далекой артиллерийской канонаде, стояли как окаменевшие.

— А что такое «спецобработка»? — прошептала Катя.

Мишка сначала пожал плечами, потом, подумав, приставил к своему виску палец, словно дуло пистолета.

— А за что?! — наивно спросила Катя.

Мишка скосил глаза на фашистских солдат, которые прибивали к окнам корпуса решетки, и стиснул Катину руку:

— Не бойся, со мной не пропадешь!..

— Ну, ну!.. Будьте послушный ребьенок! — подгонял очкастый с трибуны. — Кто начинай?!

Но ребят будто током поразило. Никто и пальцем не дотронулся до галстука. Все смотрели на Костю, на его чуть насмешливое лицо.

— Карашо! Если ви все не хотель, то этот мальшик, — он ткнул пальцем в Костю, — должен показать пример! Иди на трибуна!

— Есть! Держи карман шире! — громко ответил Костя и остался на месте.

Ребята одобрительно заулыбались.

Двое дюжих солдат, стоявших около трибуны, подошли к Косте и подтолкнули его дулами автоматов. Костя с любопытством осмотрел автоматы, секунду подумал и, разведя руками вороненые стволы, смело пошел на трибуну.

Пионеры впились в него глазами.

— Ну… Бистро… Снималь это… — Очкастый хотел было дернуть за кончик красного галстука, но Костя резко отвел его руку.

Пораженный такой наглостью, очкастый при-

ставил к Костиной груди свой указательный палец.

— О, он хотель умирайть как герой! — обращаясь к пионерам с иронией, сказал он. — Но воевать против наш зольдат неразумно. — И обернулся к Косте: — Ну, что скажет на до свиданья, а? Ты иметь одна минута!

Очкастый, вскинув руку, поглядел на часы.

Костя видел, как на часах нервно дергалась секундная стрелка, но молчал. Все ребята понимали, что Костя никогда не снимет галстука. В их глазах застыл ужас: очкастый уже полез за пистолетом.

— Мистер начальник, — вдруг громко, не зная, как по-иному обратиться к очкастому, сказал Мишка и вышел из строя. — Разрешите я?!

— Герр майор! — поправил очкастый и недовольно нахмурился. — Я слушай!

— Герр майор, — повторил Мишка, — разрешите, я вам помогу?

— О, гут! Карашо! — вдруг повеселев, сказал очкастый. Он внимательно осмотрел Мишку с ног до головы и застегнул кобуру. Потом перевел взгляд на Костю: — Через пятнадцать секунд ты бил бы в гостях у твой прапрадедушка и твой прапрабабушка. — Он указал пальцем на

небо. — Говори спасибо этот умный малышик! — и толкнул Костю с трибуны.

— Галстуки снять! — уже уверенным тоном скомандовал Мишка, повернувшись лицом к строю. Но, видя, как узколицый паренек с марлевой заплаткой на лбу, упрямо сжав губы, со злобой глядит на него, добавил: — Кто хочет смерти Кости?

Первой сняла галстук Катя и пошла вдоль строя. Принимая от ребят галстуки, она вешала их на левую полусогнутую руку — заботливо, с достоинством.

III

Стояла лунная ночь. За решетчатым окном мальчишеской спальни лаяли собаки, слышался приглушенный говор немцев. Где-то далеко-далеко били пушки.

Все ребята сгрудились вокруг Костиной кровати. Среди них была и Катя — в ковбойке, кепке и мальчишеских штанах.

У дверей спальни, приложив ухо к замочной скважине, дежурил лопоухий мальчишка.

— Наш первый совет лагеря в новых тюремных условиях считаю открытым, — сурово сказал Костя. — На повестке дня два вопроса. Первое: куда

спрятать пионерские галстуки? И второе: что делать? — Можно я тебя сразу перебью? — вдруг сказал Мишка.

— Давай! — ответил Костя.

— Ребята, — горячо заговорил Мишка. — Никто из немцев еще не знает, что Костя — пионервожатый. Если узнают — ему будет крышка. С этого дня переходим на строгую конспирацию. Молчок — и точка! Понятно?

— А если бить будут? — тихим голосом спросил от двери лопоухий мальчишка.

— Потерпишь! — строго ответил Мишка и посмотрел на Костю. — Теперь продолжай! — Значит, сегодня два вопроса, — повторил Костя. — Куда спрятать галстуки и что нам делать?

— В милицию пожаловаться, — серьезно предложил лопоухий мальчишка.

Конспираторы заулыбались и махнули на него рукой: неисправим!

— Немцы не дураки, но и мы тоже не лыком шиты, — сказал Костя. — Все родители знают о том, что мы здесь.

— Мои уехали, — вздохнул Мишка, — в Сочи!

— Зато сестра твоя здесь, и другие нас не оставят. А во-вторых, мы и сами не должны зевать!

— Что ж ты, Костя, предлагаешь? — спросила

Катя.

— Надо к нам войска на помощь позвать! Кто-то один должен выбраться из лагеря. Кто это сделает?

— Я! — вдруг решительно встал с кровати Мишка.

— А как?

— Я знаю как!

— Ребята! — прошептал лопоухий мальчишка от дверей и юркнул в постель.

Все бесшумно бросились к своим кроватям. Катя — под кровать.

В спальню вошел солдат в каске и с автоматом, оглядел спящих и, не найдя ничего подозрительного, хлопнул дверью и снова закрыл ее на ключ.

IV

На другой день пионерский лагерь стал уже концентрационным — с охраной у корпусов, с часовыми и вышками, с собаками.

Ребята сидели взаперти. Только кухонная команда рубила дрова и готовила в котлах под навесом летней кухни нехитрую еду. Тут же кое-кто из ребят пришивал к немецким кителям пуговицы, драил мелом пряжки на ремнях, чи-

стил сапоги. Эта работа была несложной. Плюнет мальчишка на сапог, проведет по нему щеткой, полюбуется на глянец, а потом плюнет в сапог — и в сторонку. Прошу! Можете натягивать!

Солдат в коротком кителе и в сморщенных сапогах, держа на коленях автомат, выезжал из лагеря на телеге с водовозной бочкой. На ее днище белела полустертая надпись, сделанная детской рукой: «Мишка + Катька = любовь».

Сидя на корточках перед топкой и подкладывая в нее дрова, Костя и Катя, да и все остальные из «комбината бытового обслуживания» с тревогой следили за телегой. За спиной немца в квадратном отверстии бочки торчал чей-то хохолок.

У ворот телегу остановил часовой:

— Отто, дай зажигалку!

Овчарка на поводке, принюхавшись, вдруг оскалилась и бешено залаяла.

Катя даже зажмурилась от страха.

Но часовой на этот лай не обратил внимания. Закурил, пососал сигаретку и, благодарно кивнув, вернул ездовому зажигалку. Фашист тронул лошадь. Выехав за ворота, телега легко покатилась по узкой лесной дорожке.

Костя радостно с размаху бросил в топку огромное полено, и из-под котлов, стоящих на плите,

вырвался сноп искр и дохнуло пламя. У ездового было хорошее настроение. В лесу пели птицы. Беспечно чмокая губами и, видно, вспоминая о чем-то хорошем, немец добродушно охлопывал лошадь вожжами.

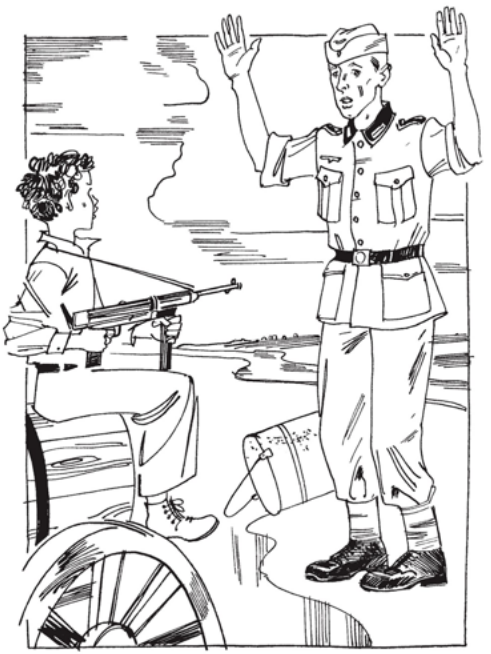
Остановив телегу у ручья, он положил автомат на передок и, подхватив ведро, зашагал к мостику над водой.

Из бочки высунулась Мишкина голова. Оценивая обстановку, мальчишка глянул на солдата, потом на автомат и снова юркнул в свое убежище.

Ездовой опрокинул ведро в бочку и опять зашагал к мостику. Зачерпнул воду, обернулся, и… челюсть у него отвисла.

Выскочив из бочки, Мишка — мокрый с головы до ног — цапнул автомат.

— Попался, гадюка?! — срывающимся голосом крикнул он.



Ездовой поднял трясущиеся руки и выпустил ведро.

Оно ударило его по носку сапога, и он от боли завертелся волчком.

— Вот так вы все у нас затанцуете! — зло усмехнулся Мишка и, держа под прицелом солдата,

медленно пятясь, нырнул в кусты.

Мишка галопом мчался по лесу. Продирался сквозь плотный кустарник и бурелом, перепрыгивая через ручьи. Провалившись по колено, брел по болоту, падал от усталости. Но, вскочив на ноги, снова бежал и бежал.

И вот он упал в душистую траву. Устал окончательно.

В горьком раздумье пожевал стебелек и машинально провел пальцем по автомату. Заинтересовался им. Нажал на курок. Автомат не стрелял. Мишка случайно повернул предохранитель и нажал на спусковой крючок. Длинная дробная очередь оглушила мальчика. Он отбросил оружие и в испуге вскочил на ноги.

Словно в ответ на Мишкины выстрелы, в гулком лесу прогремели чьи-то автоматные очереди и заливисто залаяла собака.

Трое фашистов во главе с ездовым бежали по Мишкиному следу. Впереди них — осатанелая овчарка.

И еще один человек, кроме Мишки, слышал выстрелы, лай собак, выкрики немцев. В промасленном комбинезоне, с забинтованной правой рукой, он сидел в глубоком овраге, притаившись в кустах, и затравленно озирался. Лицо у него

было небрито, с кровоподтеками и ссадинами. В его левой руке тускло поблескивал пистолет. Мишка схватил автомат, метнулся вдоль крутого песчаного обрыва, на краю которого росли сосны и кустарники, перепрыгнул через оголенные корни и вдруг, споткнувшись, полетел в овраг. Разбрасывая ноги и руки, он кубарем летел вниз. Пытался ухватиться за кустарник, задержать падение, но все было тщетно. Пробив своим телом заросли орешника, Мишка свалился на человека в комбинезоне. Тот быстро сбросил с себя неизвестного, заткнул ему перебинтованной рукой рот и нацелил на него пистолет. Так он и застыл, задрав голову.

Потом, убедившись по удаляющемуся лаю, что немцы уходят, человек в комбинезоне посмотрел на своего полузадушенного пленника и только тут понял, что перед ним мальчик.

— Уф, черт собачий! — выдохнул он шепотом. — Перепугал! Откуда ты взялся?

— Я к маме иду… — соврав на всякий случай, жалобно захныкал Мишка.

— Ты не из этого села? — Человек кивнул в сторону.

— Из Гайдамаков?… Ага! Из этого!.. Из этого! — поспешно согласился Мишка.

— Немцы там есть?

У человека было широкое, добродушное лицо с голубыми глазами и льняными волосами, спадающими на лоб.

— Пустите меня, дяденька! — попросил Мишка.

Человек освободил его из своих железных объятий.

Мишка жадно глотал воздух. И вдруг, случайно глянув в кусты, он вздрогнул… Там сквозь листья ясно различалась побитая, обгоревшая махина с пушкой — танк Т-34! На башне — звезда и номер «43».

Глаза у мальчика округлились. Он не знал, на кого смотреть: то ли на танк, то ли на танкиста, коренастого, широкоплечего красавца, уже поднявшего с земли гаечный ключ и склонившегося над гусеницей.

— Дядь, — смущенно сказал Мишка, — а вы ругаться не будете?

— Ну? — Танкист удивленно посмотрел на Мишку и попросил: — Подержи-ка этот болт…

Мишка вставил болт в отверстие на броне и сделал два витка. Танкист наложил гаечный ключ на болт и стал его завинчивать.

— Я… Я наврал, — признался Мишка. — Я не

из Гайдамаков, а из Хмельницкого. Там у меня сестра…

— А зачем врал? Давай вместе нажмем!

Они вдвоем навалились на гаечный ключ.

— Я не знал, что вы свой!

— А теперь-то откуда знаешь?

— Догадался… Вы, наверно, из батальона капитана Малышева, да?!

Танкист вопросительно уставился на Мишку.

— У нас в лагере его сын — Костя Малышев, — поспешил пояснить Мишка. — Вы вчера мимо нас мчались…

— М-да… Мчались… — мрачно ответил танкист. — А теперь вот видишь — сирота…

Его левая рука крутила гаечный ключ злыми рывками.

— Корежили мы их почем зря… А потом приказ — отходить! Я один отход всего батальона прикрывал… Подбили меня… Вот и приполз в овраг ночью…

Мишкино лицо вдруг озарилось, и он с азартом сказал:

— Дядь, а давайте мы с вами по лагерю трахнем, а?

Мне приказали войска на помощь позвать.

— По какому такому лагерю?

— Ну, по нашему, по пионерскому! — горячо заговорил Мишка. — Они захватили нас! Хотят в Германию увезти!

Теперь уже два дня осталось! А мы их танком по башке!

Бух-трах! Ну поедемте! — Мишка даже дернул танкиста за рукав.

— Да, какой тебе еще лагерь! — с горечью сказал танкист. — У меня всего-навсего один снаряд. Понимаешь, один! И бензина — кот наплакал… Да еще карты нет — километров на двести… Сгорела… Далеко не уедешь! — Он в сердцах сплюнул. — Вот через Гайдамаки думаю прорваться к своим… А вдруг там немцы? Как один буду?

— Почему один? — возмутился Мишка. — А я на что? И мы карту в лагере достанем!

Танкист будто впервые посмотрел на задиристую фигурку мальчика. Брови у него разъехались, и по лицу поплыла широкая улыбка. Действительно, а чем не помощник?

— А ну, лезь в танк! — вдруг скомандовал он и нырнул в люк.

Мишка — за ним.

И тут для Мишки начался такой урок, о котором он в школе и мечтать не мечтал.

Танкист вытащил кисет с махоркой, свернул

кое-как раненой рукой цигарку, задумался — с чего бы начать? — и улыбнулся:

— Так, значит… Звонок прозвенел!..

Он показывал, как стрелять из пулемета, дергал за рукоятку затвора пушки, садился за рычаги управления и все объяснял, объяснял — серьезно, обстоятельно.

Мишка слушал его с восторгом, кивал, иногда переспрашивал, но в основном-то вся эта наука была ему по плечу.

Потом танкист включил рацию и приник к динамику. В нем неистовствовали лишь писк да треск.

— Ну хоть бы кто голос подал… — вздохнул танкист.

— А кто? — полюбопытствовал Мишка.

— Капитан Малышев… Должен ведь дать приказ об отступлении. А где он? Где?! Вот подожду немного, а потом придется свою инициативу проявить. Только бы карту мне, я бы уж нашел лазейку!

— Дядя Вася, а мы победим, а? — сокровенно спросил Мишка.

— Все будет красиво, Мишка, — задумчиво ответил танкист. — Но тут наша победа от каждого человека зависит.

— И от меня тоже?
— И от тебя!

V

К селу Гайдамаки Мишка шел по густой пшенице. В его ушах звучал голос дяди Васи: «Пойдешь в разведку — гляди в оба! Нам надо пробиться к своим! Встретишь там немцев — считай пушки, бронетранспортеры, прикинь на глазок, сколько солдат! Не встретишь — шпарь ко мне!» — Все будет красиво! Все будет красиво! — сам себе шептал Мишка, пробираясь к селу.

Подойдя к огородному плетню, он осмотрелся, раздвинул сухие прутья и пролез в дыру. Потом, осторожно подобравшись к маленькой хате, глянул из-за угла на улицу.

В селе расквартировалась немецкая мотопехота. Возле полевой кухни полуголый повар рубил парты на дрова. Около двух бронетранспортеров возились механики. Под сарайным навесом стояла маленькая противотанковая пушка. На лужайке, сложив на землю автоматы и мотоциклы, немцы играли в волейбол. Где-то патефон разносил веселую тирольскую песенку.

Глаза у Мишки были цепкими и настороженными.

На площади перед маленьким белым зданием с вывеской: «Почта-телеграф. Село Гайдамаки» гудела толпа — женщины, старики, дети. На крыльце почты сановито возвышался — ба! — старый Мишкин знакомый — очкастый немец. Возле него стоял толстомордый мужик в косоворотке.

Чуть поодаль фашисты охраняли троих избитых мужчин.

Взглянув на одного из них — на того, что был в гуцулке, — Мишка изменился в лице, вздрогнул. В гуцулке был Кондрат Горобец.

Глядя на толпу и указывая пальцем на арестованных, очкастый назидательно говорил:

— Это коммунист! Каждый, кто их укрывайт, будет иметь немножко виселица! Кто сообщайт нам, где коммунист, — тот иметь большой награда: корова, овес, свинья.

Толстомордый мужик, развернув листок, писклявым голосом начал читать:

— Гестапо и новой управой разыскиваются: Калиньяк Иван, Нестеров Таврило, Прохоров Семен!

Толстомордый изредка отрывал глаза от списка и поглядывал на толпу. И вдруг он увидел Мишку. Не спуская с него глаз, он сунул список в карман

и устремился к нему.

Под его змеиным взглядом Мишка застыл на месте.

Толстомордый схватил его за ворот и, расталкивая крестьян, поволок к крыльцу почты.

Мишка очнулся лишь только тогда, когда встретился с холодными бутылочными глазами очкастого. Тот его узнал.

Еще не совсем сообразив, что надо делать, Мишка вдруг вскинул руки и, резко присев, как мышь, юркнул в толпу между чьих-то ног.

Это был великий фокус. Толстомордый, держа в руках Мишкину рубашку, обалдело заглядывал себе под ноги и вдруг заорал:

— Лови! Держи!

Отбросив в сторону какую-то бабу, он ринулся в толпу. Сорвавшись от крыльца, за ним бросились немецкие солдаты. Раздались выстрелы. Толпа шарахнулась. Истошно закричали женщины и дети.

Воспользовавшись паникой, трое арестованных, сбив с ног охранявших их автоматчиков, бросились за угол почты. На площадь обрушилась беспорядочная стрельба.

Мишка, выбравшись из толпы, несся к первому попавшемуся проулку. За его спиной, метрах в

двадцати, тяжело стуча сапогами, пыхтел толстомордый.

Из толпы в погоню за Мишкой и коммунистами выскочило человек десять автоматчиков.

Мишка жал во все лопатки. И вдруг, заметив между старой развалюхой и вновь отстраиваемой хатой узкий проход, он, не задумываясь, шмыгнул в него.

Толстомордый мужик уж было схватил Мишку за волосы, но не рассчитал: влетел в простенок и… застрял.

Фашисты, разделившись на две группы, стали окружать хату.

Со двора можно было видеть, как по скосу кукурузного поля, разбрасывая высокие зеленые стебли, к оврагу мчался Мишка.

Грянула автоматная очередь.

VI

Дядя Вася, стоя возле танка, с волнением прислушивался к доносившимся из села стрельбе и немецким выкрикам.

— Полундра, дядя Вася! Полундра! — летя по оврагу, с искаженным лицом вопил Мишка.

Подхватив за штаны выскочившего из кустов мальчика, танкист одним махом забросил его на

броню и вслед за ним нырнул в люк.

Раздумывать было некогда — в смотровой щели показалась группа автоматчиков. Взревел мотор, и танкист послал машину вперед.

Ну кто знал, что здесь советский танк?! Обезумевшие немцы, побросав оружие, кинулись врассыпную.

«Тридцатьчетверка» мчалась по кукурузному полю. Солнечная полоска от смотровой щели плясала на Мишкином возбужденном лице.

— Они там все! У почты собрались! — еще не придя в себя, говорил Мишка, вцепившись в пулемет.

— Танки есть? — сосредоточенно глядя на дорогу и с усилием управляя рычагами, отрывисто спрашивал дядя Вася. — Помоги потянуть.

— Пожалуйста. — Мишка схватился за рычаг, на котором лежала раненая рука дяди Васи, и потянул его на себя. — Танков нет!

— Пушки? А ну, теперь от себя!

— Одна. — Мишка навалился на рычаг.

— Кажется, мы с тобой напоролись! Надень шлем! — Дядя Вася сдернул со своей головы шлем и протянул его мальчику.

— А вы-то как? — спросил Мишка.

— Привык уже к синякам… Обойдется.

Мишка быстро натянул шлем и схватился за пулемет.

— Значит, здесь нажимать? — Он указал на гашетку.

— Здесь.

Танк, сбив плетень и проскочив по огороду, вылетел между двумя хатами на сельскую улицу.

— Огонь! — скомандовал дядя Вася.

Мишка нажал на гашетку.

Трое немцев во главе с поваром ощипывали живых гусей. Они и знать не знали, что будет с ними через мгновенье.

— Руссише панцер! — осатанело закричал повар, и в его глазах застыл ужас.

Но было уже поздно. Танк подмял походную кухню, разнес в щепки грузовик, набитый курами, потом прокатился по мотоциклам и автоматам, лежащим на земле.

Со всех сторон по танку пошла стрельба. Немецкий расчет выкатил пушку с длинным и тонким стволом и стал бить прямой наводкой, но мимо, мимо…

Притаившись за домом, фашистский солдат с противотанковой гранатой ждал приближения

русского танка. И когда грузное чудовище прокатилось мимо него, он метнул гранату.

За башней танка грохнул взрыв. Танкист и Мишка инстинктивно пригнулись и вопросительно посмотрели друг на друга. Однако мотор работал.

— Порядок в танковых войсках! — подмигнул дядя Вася.

Этот бой был отчетливо слышен в пионерском лагере. Охрана его всполошилась, забегала. Ребят, работавших на кухне, окружили трое солдат с автоматами: «Хенде хох!»

— Наверно, уже наши идут! — еле шевеля губами, сказал Костя Кате.

Рудольф Штарке, новый начальник лагеря, пытался куда-то дозвониться по телефону. Он для чего-то открыл ящик письменного стола, и вдруг перед его глазами из ящика поднялась гадюка. Как она попала сюда? Кто ее засунул?

Штарке бросился из комнаты.

А бой в Гайдамаках уже подходил к концу.

Очкастый бежал от нашего танка вдоль улицы. Дядя Вася его настигал, и вдруг очкастый метнулся в сторону. Он заскочил в уборную — деревянный скворечник и захлопнул за собой

дверь.

Танк опрокинул скворечник, обнажив черное очко нужника, и пошел дальше. «Тридцатьчетверка», поднимая пыль, на большой скорости уходила из села.

Очкастый, осторожно высунув голову из нужника, с бледным перекошенным лицом глядел ей вслед.

…За селом танк нырнул под густую крону деревьев на проселочной дороге и пошел словно в тоннеле.

— Эх, как мы их жарили! — с горящими глазами говорил Мишка. — Вот бы Катька видела!

— Это кто ж такая? — поинтересовался дядя Вася.

— Да так… — Мишка замялся.

— Ага, ясно… — ухмыльнулся дядя Вася. И, видя Мишкино смущение, переключил разговор: — Да, здорово получилось. Как в сказке… Я от бабушки ушел, и от дедушки ушел, и от тебя, Серый Волк, уйду!

— Дядя Вась, а это мы, что, в самом настоящем бою были?

— В самом, самом… Только ты, брат, что-то все мимо стрелял.

— Ага! Сначала! — охотно согласился Мишка. —

Ведь там же людей было много!

— Вó, посмотрите на него, пожалел! Да какие ж это люди?! Двуногие звери, шпана, хулиганы! В общем, фашисты! А ты?!

— А потом я и трахал по шпане!

— Молодец!

— И знаете, мне совсем не страшно было!

— Значит, ты герой!

— А орден нам дадут?

— Я лично не за орден воюю…

— Так и я тоже за Родину! — с жаром сказал Мишка и пояснил: — Но ведь ребята-то могут и не поверить, что мы в бою были!

— Ну, тогда тебе дадут, а мне нет, — улыбнулся дядя Вася.

— Это почему же?

— На войне, брат, в первую очередь расчет нужен! А мы с тобой нахрапом взяли, рисковали…

Мишка сразу увял.

— Ладно, не горюй! — ободряюще хлопнул его по плечу дядя Вася. — Риск — тоже благородное дело! Только, чур, сначала думать! Мне кажется, что этот концертик нам тоже даром не пройдет…

И правда. Дерзкий прорыв советского танка не на шутку перепугал и разозлил очкастого. Он немедленно связался по радио из Гайдамаков со

своим штабом и теперь, сидя в открытом пикапе с выдвижной антенной, кричал в микрофон:

— Господин полковник, докладывает майор Ганс Бергер. Прошу выслать подкрепление!

Молоденький радист подправил волну.

— А что случилось, господин майор? — послышался из динамика басовитый голос.

— Мы понесли потери! — через силу ответил Бергер.

— Может быть, вы подробнее объясните? Наш фронт углубился на территории России уже на сто километров. Сопротивление русских сломлено. Вы находитесь уже в тылу. О каких потерях идет речь?

— На нас напал танк!

— Какой танк?

— Русских! — ответил майор и, выключив рацию, серьезно и многозначительно, как бы про себя, добавил: — Сопротивление которых сломлено!

Подкрепление к майору Гансу Бергеру было послано незамедлительно.

По улицам большого города в Призакарпатье, мимо домов с закрытыми ставнями и одиноких, жмущихся к подворотням прохожих пронеслись три легких немецких танка. В головном, высунув-

шись по грудь из люка, стоял командир взвода — рябоватый, с тяжелой челюстью. Он слышал металлический голос рации:

— «Ягуар»! «Ягуар»! В квадрате пятьдесят семь — советский танк! Уничтожить!

VII

На поляне, окруженной леском, Кондрат Горобец и его двое товарищей, чудом спасшиеся от казни, подбирали с земли автоматы, винтовки, гранаты, вытаскивали из пулеметных лент патроны и бросали их в противогазные сумки. Вокруг них среди буйнотравья после вчерашнего боя громоздились искореженные фашистские и советские танки. Холодные глыбы металла дыбились, как черные торосы.

Но вот люди насторожились: послышался далекий рев мотора и лязг гусениц. Кондрат Горобец предупреждающе свистнул, и мужчины с подобранным оружием попрятались за подбитые танки.

На поляну выполз танк.

— Что это? — прилипнув к смотровой щели, выдохнул Мишка.

— По номерам узнаю… Батальон капитана Малышева, — тихо произнес дядя Вася и добавил:

— Бывший…

Он выбрался из люка и, озираясь, пошел к подбитому советскому танку.

Мишка с испугом приник к смотровой щели: выскочив из-за танка, к дяде Васе бежали какие-то люди. Еще секунда — и они накинутся на него!

Мишка быстро юркнул в башню и дернул за рукоятку затвора. Грохнула пушка!

Люди, бежавшие к дяде Васе, от неожиданности упали на землю и замерли.

Из люка, весь в дыму, показался Мишка с ошалелыми глазами.

Среди распластанных на земле тел приподнялся мужчина. И когда дым над башней рассеялся, он сам не свой закричал:

— Мишка!

— Дядя Горобец! — завопил Мишка, узнав Катькиного отца.

Кондрат Горобец вспрыгнул на танк и начал радостно тискать мальчика:

— Ах ты, пострел! Да как же ты в танк попал?! А Катя? Где моя Катя? Что с ней?

— Да вы, дядя Горобец, не волнуйтесь, — улыбаясь, говорил Мишка. — Она в лагере… Все хорошо… то есть все плохо… Но я ее освобожу.

Вот, видите, уже танк нашел!

VIII

В пионерском лагере немецкий военный врач с двумя помощниками сортировал ребят.

Заплаканный, трясущийся от страха лопоухий мальчишка в трусиках подошел к столу. Врач заглянул к нему в рот, приподнял веки, помял плечи, развернул грудь и одобрительно кивнул своим помощникам. Один из них измерил рост, другой поставил галочку в блокноте и, сказав: «Геркулес! Через два дня Германия!» — повел мальчика в соседнюю комнату.

В коридоре перед дверью с красным крестом толпились бледные, осунувшиеся дети.

— Нас много… — оглядывая ребят, шептал Костя. — Они за всеми не уследят.

— Но у них оружие… — с сомнением сказала Катя Горобец.

— А мы, мальчишки, разве не придумаем что-нибудь? — стукнул себя в грудь узколицый паренек с марлевой заплаткой на лбу.

— Вреди им, ребята, как попало! — посоветовала Катя.

— А я им уже мыша в суп бросил! — хихикнул узколицый паренек.

— Врешь?! — улыбнулся Костя.

— Честное пионерское!

— Бросай дальше!

— Есть!

— А это видели?! — Оглянувшись, Костя вдруг вынул из кармана немецкую гранату. И ребята даже попятились от него.

— Не бойся! — ухмыльнулся Костя. — Она своих не трогает. Теперь ясно, как действовать?

IX

Дядя Вася, стоя в люке танка, быстро принимал от друзей Горобца снаряды, собранные в подбитых машинах. Мишка укладывал тяжелые «огурцы» на свои места. На броне Кондрат Горобец прикреплял дополнительный бачок с горючим.

— Ты нашу местность хорошо знаешь? — спросил Горобец.

— Эту? — Дядя Вася обвел глазами горизонт. — Как свои пять пальцев! А дальше, для рейда через линию фронта, мне карта нужна.

— Стоверстка пойдет?

— Маловат масштаб, но сгодится.

— Тогда достанем… А про пасеку с дедом Макаром слыхал?

— Это какая — возле дуба?

— Ага. За селом Хмельницким… Тогда так… Нас пока мало, но мы сейчас разбежимся по селам, и народ еще поднимем. А завтра вечером — эх, не опоздать бы! — встречаемся около пасеки. Доберешься?

— Постараюсь…

— Смотри… Увезут детей — не воротишь!

— Все будет красиво!

— А если они за тобой — погоню?

— Что-нибудь придумаем…

— Ну дело! Давай руку! А карта — считай, что она у тебя к кармане!

Горобец спрыгнул с танка и вместе с друзьями побежал в лес.

X

Из-за бугра на закатное солнце выполз ствол пушки. Над высокой травой выросла башня, потом показался корпус танка. Он на секунду замер, словно к чему-то присматриваясь, и устремился по зеленому склону.

Танкист и Мишка, уставшие и измученные, мерно покачивались на своих сиденьях. Мальчик внимательно наблюдал за тем, как танкист управлял рычагами, потом спросил:

— Дядя Вась, а вопросик задать можно? — Мишка даже руку поднял, как в классе.

— Ну?

— Дайте мне танком поуправлять!

— А самолетом не хочешь?

— Хочу!

Танкист усмехнулся.

— Веселый ты человек. С тобой не соскучишься.

— А я уже все за вами подсмотрел.

— Вот и учи пока теорию.

Мишка, обидевшись, поджал губы.

День угасал. Танк прополз над обрывом и скрылся в чащобе леса.

— Ну дайте хоть чуть-чуточку… — канючил Мишка.

— Отстань.

— Ведь человек просит…

— А ты про дисциплину слыхал?

— Слыхал… А что вам, жалко? Во-он до того дерева!

— До того?! — Дядя Вася вдруг остановил машину.

— Да! — еще не веря своим ушам, воскликнул Мишка. — Я всего двадцать метров! Честное слово, двадцать метров!

— Ну, черт с тобой, валяй! — Дядя Вася нехотя пересел на Мишкино место.

Мальчик мигом очутился на сиденье механика-водителя и рывком тронул машину.

— Вб! Кто ж так делает?! Надо плавно! — сказал дядя Вася и вдруг закричал: — Бери правее! Правее! Правее, черт!

Танк сбил дерево и как ни в чем не бывало покатил дальше. Наткнулся на второе — сбил, на третье — тоже сбил!

— Тормози! Тормози! — кричал дядя Вася.

— А как ее тормозить?! — орал в испуге Мишка, бросив рычаги и подняв от педалей ноги.

Дядя Вася выключил зажигание, и танк остановился.

— Мишка и первая шишка… — шутливо сказал дядя Вася, дотрагиваясь до лба мальчика. — Не больно?

Мишка никак не мог прийти в себя. Он с восторгом шептал:

— Обалдеть можно! Ой, вот здорово!

В темноте дядя Вася и Мишка крались по кустам. Вдали за полем светились редкие огоньки селения. — Еще немножко осталось… — говорил Мишка. — Уже пришли.

— Тихо, тихо!

— Да вы здесь не бойтесь! Тут я каждый кустик знаю!

Только бы Маринка дома была… она у меня учительница в первых классах. Молочка даст! Сало будет! Давайте за мной! На тропинку!

В крайней хате горел свет. Мишка подкрался к окну, заглянул в него и, обернувшись, махнул рукой. Из темноты бесшумно вынырнул дядя Вася и тоже заглянул в окно. В хате сидел здоровенный детина — без петлиц на гимнастерке — и, попивая из крынки, уплетал за обе щеки яйца, сало, хлеб.

— Ты смотри, Дормидонтов! — с изумлением прошептал дядя Вася.

Дормидонтов, видно что-то почуяв, настороженно покосился на темное окно. В сенях скрипнула половица, распахнулась дверь, и в хату вошли дядя Вася и Мишка.

— Здорово, Колька! — Дядя Вася радостно кинулся к Дормидонтову.

Они обнялись, стали хлопать друг друга по плечам.

— Ты подумай, вот не ожидал! — говорил дядя Вася.

— А ребята сказали — тебя убили… — смеялся Дормидонтов.

— Я сам кого хочешь укокошу! — вторил ему дядя Вася.

С миской соленых огурцов в хату вошла стройная синеглазая девушка лет девятнадцати.

— Мишка! — дрогнувшим голосом крикнула она и, поставив миску, со слезами на глазах стала обнимать и горячо целовать мальчика. — Родненький! Глазки мои! Братишка! А другие ребята тоже убежали?

— Еще в лагере сидят.

— А мы с Горобцом будем их освобождать! — твердо сказала Маринка. — И учителя из нашей школы пойдут!

— И я вот тоже дядю Васю привел! — с гордостью сказал Мишка и вдруг тревожно спросил: — А от папы с мамой за эти дни ничего не было?

— Ничего! Я так переживаю за них! Они тоже, наверно, волнуются! — И, обернувшись к красноармейцам, Маринка спросила: — Вы не знаете, они Сочи бомбили?

— Не знаю. — Дядя Вася пожал плечами. — Мы-то отрезаны! — И, протянув девушке руку, представился: — Королёв… Василий! Значит, старший сержант!

— Марина!

Встретив откровенно-восторженный взгляд

танкиста, девушка смутилась и побежала в кухню:

— Ой, да чем же мне вас кормить?!

Мишка, понимающе усмехнувшись, пошел в соседнюю комнату.

— Они всё разбомбят, у них техника, — пробурчал Дормидонтов.

— Подожди, подожди… Сейчас во всем разберемся… — сказал танкист. Он вынул кисет, свернул цигарку и уселся за стол. — Ну, рассказывай, как ты сюда попал?

— Да что тут говорить… Как ты, так и я!

— Я прикрывал ваш отход!

— Ну, мы отошли… А он нас нагнал и пошел молотить…

— А вы?

— Мы тоже молотили… Что было на поляне! Не дай бог, еще раз…

— Видел… — печально сказал танкист. — А что с комбатом Малышевым?

— Неизвестно… Может, жив, а может, и нет…

Они помолчали. И вдруг танкист хлопнул красноармейца по плечу:

— А все-таки как хорошо, что я тебя встретил! Ведь теперь мы вдвоем! У тебя карты, случайно, нет?

— С собой нет. — Дормидонтов вскинул маленькие глазки. — А в лесу есть… Я зарыл ее…

— Зарыл?! — Дядя Вася обрадовался. — И помнишь где?

— Помню. А на что она?

— Пробьемся к своим!

— Я… Я, Вася… Навоевался. С меня хватит! Уйду в горы! Пережду! У меня оружия нет. Они меня не тронут! Культурные!

— Да ты что, Коля?! Ты что говоришь?! Ты что, не знаешь: кто не с нами, тот против нас?!

— Я тебе серьезно сказал… С меня хватит! Я свой долг выполнил…

— Ну что ж, хорошо… Но его надо уж до конца выполнять!

— Маринка! — крикнул Мишка из другой комнаты. — Где чистая рубашка?

— Наверху, в шкафу, — ответила девушка из кухни.

— Ну, как порешим? — спросил танкист у Дормидонтова. — Прятаться будешь?

— Ну что ты пристал?! — истерически вскрикнул Дормидонтов. — Я еще сам… сам… ничего не знаю.

— Я, конечно, понимаю тебя… — спокойно продолжал дядя Вася. — Человек видел кровь, остался

один, растерялся… А теперь-то мы — сила!

— Э-эх, сила! — Дормидонтов махнул рукой. — Раздавят они нас с тобой, как тараканов, и пойдут дальше… А что у нас? Что?! Винтовка образца тысяча восемьсот девяносто первого дробь тридцатого года?!

— У меня танк!

— Та-анк?! — удивленно протянул Дормидонтов. Он в раздумье поджал губу и часто-часто заморгал. Потом убежденно вскрикнул: — Нет, нет! Все бессмысленно!

— Встать! — еле слышно скомандовал дядя Вася.

— Ты… Ты чего? — немного опешив, ответил Дормидонтов.

Из другой комнаты, натягивая на себя чистую рубашку, выходил Мишка.

Вдруг дядя Вася выхватил пистолет:

— Встать, шкура образца тысяча девятьсот сорок первого года!

Дормидонтов, нехорошо насупившись, встал.

— Да что вы, товарищи! — Маринка подбежала к столу. — Будет вам! Кушайте! Кушайте!

— Спрячь, а то все ребра переломаю, — прошипел Дормидонтов, впившись в дядю Васю маленькими глазками. Но дядя Вася, отступив на

шаг, скомандовал:

— Маринка и Миша, из хаты! Я сейчас с ним по-иному поговорю!

— Василий, я прошу вас!..

Маринка примирительно коснулась руки танкиста, и в этот момент Дормидонтов, выбив пистолет, ударил его в висок.

Тот отлетел к стенке. Маринка испуганно вскрикнула.

Дормидонтов, отбросив стол, проворно кинулся на дядю Васю и схватил его за грудки.

— Я тебе покажу «шкуру»!.. Кто меня теперь заставит воевать?!

— У тебя совесть должна быть!

Дядя Вася оттолкнулся от стенки и, подставив подножку, ударил Дормидонтова в подбородок. Раскинув руки, Дормидонтов полетел навзничь, но, падая, увлек за собой дядю Васю. Они покатились по половицам.

Маринка закрыла глаза от страха. Мишка, часто дыша, беспомощно сжимал кулаки. Затем, решившись, бросился в драку. Дормидонтов подмял танкиста и корявыми пальцами стал сжимать ему горло. Лицо дяди Васи налилось кровью, он захрипел.

Мишка оттаскивал Дормидонтова от дяди Васи

за гимнастерку, за волосы, молотил его кулаками, но, поняв, что с такой тушей ему руками не справиться, пустил в ход зубы, вцепился в плечо. Дормидонтов взвыл и отшвырнул Мишку, как котенка.

Мальчик ударился головой о печку, сморщился и застонал от боли. И вдруг, открыв глаза, он увидел на полу пистолет дяди Васи.

— Мишка! — закричала Маринка.

— Пусти его, зараза! — Мишка держал в руках пистолет. — Трус! Я маленький и то воюю! А ты?!

Дормидонтов обернулся, увидел перед собой дуло и приподнялся с пола.

Мишка попятился.

— Ты... «будь готов», а ну дай сюда! — прошипел Дормидонтов и, расставив руки, медленно двинулся на мальчика.

Полузадушенный дядя Вася пытался встать на ноги. Маринка подбежала и подхватила его под мышки.

Мишка, держа под прицелом Дормидонтова, отступал шаг за шагом и наткнулся на стену.

Дормидонтов бросился на него. Но Мишка в одно мгновенье, будто мячик в игре, ловко перекинул дяде Васе пистолет. Поймав на лету пистолет, дядя Вася, шатаясь, встал на одно колено и с презрением прохрипел:

— Эх ты, Коля!.. Сволочь ты, и больше ничего! Руки вверх!

По ночному селу шел толстомордый мужик с автоматом под мышкой. Он свернул к Мишкиной хате, отворил калитку, но, услыхав шум, моментально спрятался за дощатые ворота.

Из хаты вышли две темные фигуры: впереди — рослый, за ним — приземистый, широкоплечий.

— Сюда! — Дядя Вася ткнул Дормидонтова пистолетом, и тот свернул на огород.

Толстомордый вскинул автомат.

На крыльцо из дверей выскочил Мишка, за

ним Маринка.

— Мишка, куда?! Вернись!

— В лагере встретимся! — ответил Мишка и побежал в темноту.

— Василь, хоть вы скажите ему!

— Он член экипажа! — послышался из темноты тихий голос дяди Васи, и чуть погромче: — А может, и вы с нами?

— Мне нельзя… Понимаете? — многозначительно прошептала Маринка. — Я еще народ соберу…

— Тогда счастливо оставаться. Вперед! — И шаги в огороде стали удаляться.

— Карту дашь, Дормидонтов, — послышалось в темноте, — оставлю в живых!

Маринка поднялась на крыльцо и прислушалась.

Широкая ладонь заткнула ей рот, и кто-то сильный втащил ее в сенцы.

Толстомордый втолкнул Маринку в хату и сразу спросил:

— Кто такие? Какой народ? Какой экипаж?

— Не твое дело! — смело ответила Маринка.

— Что за Василь? — Толстомордый угрожающе стал надвигаться на девушку. — Говори, тварь комсомольская!

XI

Над низинами, оврагами, над танком плыл предрассветный туман. Лесная тишина изредка нарушалась дремотным выкликом какой-то птицы, и снова все затихало. у дяди Васи слипались глаза. Он стоял над догорающим костром в глубокой задумчивости с пистолетом в руке и время от времени поглядывал то на спящего Дормидонтова, со связанными руками и ногами, то на Мишку, свернувшегося калачиком на груде еловых веток. Мишка спал под гусеницами в кожаном шлеме, сладко и безмятежно.

Дядя Вася подошел к мальчику и долго всматривался в его наивное круглое личико, в котором угадывались Маринкины черты. Этот мальчик стал теперь для него самым дорогим человеком на земле.

Танкист тронул Мишку и шепотом позвал:

— Миш, Миша! Подъем!

Мишка во сне капризно повел плечом.

— Давай на пост!

Услыхав военное слово, Мишка тут же вскочил на ноги и протер глаза.

— Через час разбудишь! Только от него ни на шаг! — Дядя Вася кивнул на Дормидонтова. — Воевать будет — свою вину искупит!

— Есть! Ни на шаг!

Поодаль от Дормидонтова дядя Вася накрылся кожанкой, положил под голову руку с пистолетом и, уже засыпая, пробурчал:

— Если бросится — кричи! Сразу поставлю точку! — и затих.

Мишка, потягиваясь и зевая, прошелся вокруг костра.

Споткнулся об осиновую корягу с вырванным из земли комлем, потер ушибленную ногу. Остановился.

Дормидонтов приоткрыл один глаз, посмотрел на танкиста и тихо сказал:

— Миш, у меня ноги затекли. Развяжи, а?

Мишка не отвечал.

— И руки. Мне очень больно.

Мишка будто воды в рот набрал.

— Ну, тогда хоть веточек подбрось. Будь любезен.

Мишка в раздумье повел бровью и кинул охапку хвороста в костер. Вспыхнуло пламя.

Дормидонтов снова искоса посмотрел на танкиста и пододвинулся к теплу, а заодно и к осиновой коряге.

— Ух, продрог… Холодно. А ты-то чего стоишь? — сказал он, и по его глазам было видно,

что он что-то задумал. — Садись, за жизнь поговорим… Отпустил бы ты меня, Миша… Отпусти от греха подальше. А-а? Я тебя всю жизнь не забуду. Ты ведь добрый…

— У меня пост! — строго сказал Мишка, взглянув на спящего дядю Васю. — И не разговаривать!

Дормидонтов исподлобья поглядел на Мишку и как бы про себя сказал:

— Я вам не враг… Мы же ведь с Васей друзья были… Ну, не совсем друзья, но товарищи… — Потом вздохнул и переменил тактику: — Эх, уснуть бы, что ли… А как посветлеет — найду я вам карту… Найду…

Он лег на бок и медленно и певуче, с хрипотцой в голосе, полузакрыв глаза, стал считать:

— Один слон… Два слона… Три слона… Четыре слона…

— Свихнулись, что ли? — удивился Мишка.

— Так сон лучше приходит… А ты поговорить хочешь?

— Никаких разговоров с вами! — отрезал Мишка и, сделав вид, что его нисколько теперь не интересует монотонное бормотание Дормидонтова, присел на корточки возле костра и уставился на пылающие ветви.

Дормидонтов, нагоняя на Мишку сон, приот-

крыв один глаз, продолжал:

— Пять слонов… Шесть слонов… Уже спать хочется… Семь слонов… Вот бы заснуть…

В росистой, словно бисерной паутине забилась муха.

— Двадцать пять слонов… — бубнил Дормидонтов. — Тридцать семь слонов…

Паук, передвигая лапками, зашагал к своей жертве.

— Сорок два слона…

Где-то вскрикнула потревоженная птица.

Мишка клевал носом.

Дормидонтов посмотрел на танкиста, на Мишку, потом на осиновую корягу и, сев на землю, бесшумно повернулся спиной к костру и подставил под огонь связанные руки.

— Пятьдесят два слона… — бормотал он. — Сто слонов…

Скривившись от боли, Дормидонтов не спускал с Мишки глаз.

Тот крепко спал.

Пламя сожгло веревку. Пошевелив плечами, Дормидонтов освободился от пут и подул на обожженные руки. Трясущимися пальцами стал поспешно развязывать веревку на ногах. Танкист во сне застонал и случайно пошевелил пистоле-

том. Дормидонтов замер.

— Триста слонов… — тихо сказал он.

Но танкист не проснулся.

Дормидонтов, освободив от веревки ноги, тут же схватил осиновую корягу, встал во весь рост и — страшный, огромный — вскинул свою дубину над головой. С минуту он смотрел на дядю Васю, на Мишку — проснутся или не проснутся? — а затем, не опуская корягу, пятясь, бесшумно ушел в кусты. В лесу громко и тревожно застучал дятел.

Солнечный луч упал на лицо дяди Васи. Он открыл глаза, оглядел поляну перед танком и, не увидев Дормидонтова, быстро подскочил к Мишке. Тот лежал ничком, словно бездыханный. Дядя Вася рывком испуганно вскинул его за плечи.

— Миша!

— А! — Мальчик сразу проснулся.

— Жив, черт возьми! — обрадовался дядя Вася. — А где Колька?

Мишка завертелся на месте, потом, увидев обгоревшие веревки и догадавшись о том, что произошло, виновато уставился на танкиста.

Дядя Вася с пистолетом забегал по полянке.

— Ты понимаешь, что ты натворил? Тебе доверили пост!

Он бы нас, как щенят, передушил! А не убил

— видно, совесть не позволила!

— Дядя Вась, я... я больше не буду! — виновато сказал Мишка.

— Я тебе тыщу раз долбил про дисциплину! А ты? Ты раззява, а не солдат! Упустил! Упустил! Где теперь мы карту возьмем?

Дядя Вася отвернулся. Он еле сдерживал гнев. Слова его были прямыми и жестокими. Вдруг в его глазах засветилась тайная догадка, и он взволнованно сказал:

— Слушай, а он опять к Марине не пойдет? Ведь его там сцапать могут! Чего доброго, выдаст, гад!..

Мишка побледнел.

— Не может быть!

— От труса до предателя — один шаг! Надо быстрее — к Маринке. Беги!.. А я потихоньку двину к пасеке. Найдешь меня там!

Пробравшись задворками к своей усадьбе, Мишка еще издали, шагая по огороду, увидел, что дверь в хате раскрыта настежь, и улыбнулся: Маринка дома!

Но, зайдя в дом, он застыл на месте. В хате все было перевернуто: на полу валялись книги, тарелки, крынки. Модель парусной шхуны была растоптана. В раскрытые окна врывался ветерок

и шевелил треугольничками белых парусов.

Боясь на что-либо наступить, Мишка зашел в другую комнату. Шкаф был раскрыт, белье валялось на полу.

Что здесь произошло?! Мишка рванулся было к двери: бежать к соседям, спросить, в чем дело, и в тот же миг замер. В дверях стоял толстомордый мужик и нагло улыбался.

Мишка попятился от него и, не задумываясь, прыгнул в открытое окно.

Толстомордый захохотал.

И словно ему в ответ, под окном захохотал другой человек.

Тот, с лицом хорька, уже держал на руках пойманного Мишку, как младенца. Мальчик, пытаясь вырваться, отчаянно махал руками и ногами, но было поздно!

XII

Новая «управа» в Хмельницком расположилась в центре села в одноэтажном белокаменном особняке, некогда принадлежавшем помещику. На окнах висели узорчатые решетки.

Вокруг дома расхаживал человек в шляпе и с повязкой на руке. На шее у него висел автомат.

В кабинете управы с большой географической

картой Прикарпатья на стене толстомордый мужик и «хорек» вели допрос. Перед ними стоял помятый и взъерошенный Мишка.

— Ну, будь ласка, скажи, где твой батька? — с деланой вежливостью спросил толстомордый. Глаза у него были как гвоздики. — Ты тогда убежал из Гайдамаков, а зря. Мы с дитями не воюем.

Мишка, насупившись, молчал, по-воровски поглядывая на карту.

— Ты будешь отвечать, чи ни?

— А чего отвечать?

— Где твой батька, пытаю?

— Батька? Ну где-где — уехал отдыхать в Сочи…

— Что? Что ты кажешь — «в Сочи»? — Толстомордый улыбнулся «хорьку». — Пид сонечком загорает!

— Не знаю, может быть, и загорает. Только не думаю.

— Ось я тоже не думаю, чтоб он у мори плескався!

— А недельку назад кто к тебе в лагерь приезжал? — спросил «хорек».

— Мамка и папка. Прощаться…

— Так где ж они зараз? — Толстомордый вцепился глазами.

— Ну чего вы ко мне пристали?! Говорю: в Сочи — значит, в Сочи. Вот хоть у Маринки спросите!

Толстомордый и «хорек» переглянулись.

— А как ты из лагеря убежал? — спросил «хорек». — Скажешь — гарну цацку дам!

— Сами с ней играйте…

— Ух ты! Смотри какой ершистый! — усмехнулся толстомордый. — Все хорошие дети в лагере, а он гуляет себе. А где же те два дяди, которые вчера были с тобой, а?

Мишка вздрогнул: откуда они всё знают?

— Ну, ну, Мишенька, куды ж ты их дел? — спросил «хорек».

— Кого?! — Мишка лихорадочно соображал: что случилось?

— А Василя и такого — дылду! — пояснил толстомордый.

— Я не знаю никаких дылд.

— Да что ты мне, большевистский выродок, брешешь! — взорвался толстомордый. — А ну, становись до стенки! Повертайсь! Руки в гору!

Мишка встал лицом к стенке и поднял руки. В этот момент он словно услыхал над собой свой недавний диалог с дядей Васей: «От каждого человека наша победа зависит…» — «И от меня тоже?» — «И от тебя!»

Толстомордый очень точно обстрелял Мишку из пистолета мимо рук, ног и головы.

Мишка стоял не покачнувшись. Его только обсыпала обитая штукатурка.

— Зараз повертайсь!

Мишка обернулся. Лицо у него было бледным, глаза горели ненавистью.

— Где дядьки? — заорал толстомордый.

— В Сочи! В санатории! — зло выпалил Мишка.

От такой выходки лица у «следователей» вытянулись.

— Смотри, и эти уже в санатории! — изумился «хорек».

— Он всех в Сочи отправляет, — сказал толстомордый и пальцами сжал Мишкино лицо. — А сам зараз шел откуда?!

— От верблюда! — отбив рукой пальцы толстомордого, заорал Мишка.

— Цыбулько, — сказал толстомордый «хорьку», — будь ласка, сделай ему два горба та проводи в наш «санаторий».

Может, он по-другому забалакает!

«Хорек» с ехидной улыбочкой подошел к Мишке:

— Ну, друже, будешь с цацкой играть? — и приподнял мальчика за ухо.

Подперев ладонью подбородок, Маринка сидела в камере в горьком раздумье. Лицо у нее было в синяках, разорванная кофточка спадала с плеч.

Распахнулась дверь, и «хорек» с силой втолкнул в камеру Мишку. Избитый и растерзанный, он еле держался на ногах и, ударившись о стенку, свалился на пол.

— Что они с тобой сделали?! — подбежав к брату и приподняв его голову, с дрожью в голосе спросила Маринка.

— Цацку получил… — простонал Мишка.

— Вас поймали?

— Я один влип… А ты давно здесь?

— Со вчерашнего вечера… Щупак схватил, — ответила Маринка.

— И меня тоже… У-у, кулак толстомордый!..

— Пойдем, сядем! — Маринка, оглянувшись на дверь, подвела Мишку к скамье. — А ты не сказал, кто у нас был?

— Не на того напали, — ответил Мишка, сверкнув глазами. — Ну, Щупак, погоди… Я тебе еще все косточки перещупаю. Ой! — И он схватился за бок.

— Поймают их… — прошептала Маринка. — Щупак по телефону звонил, немцев вызывал для прочесывания леса.

— Когда? — Мишка взволнованно вскочил со скамьи.

— Рано утром... Я случайно услышала. На допросе...

Мишка, забыв про боль, заметался по камере. Подбежал к двери, ухватился за решетку на окне. И вдруг, остановившись около старого камина, заваленного кирпичами, вопросительно посмотрел на Маринку.

— Они, наверно, уже ищут его?!

Мишка подставил скамью к камину, встал на нее и выдернул из камина чугунную заслонку, похожую на лопату. В руках у него уже был спасательный инструмент.

Мишка вдавил свою тонкую «лопату» в расщелину между половицами и начал их потихоньку раздвигать.

Гвозди в досках заскрежетали.

Вдоль скошенного луга, с копнами сена, по узкой тропинке мчался взвод немецких мотоциклистов. По знаку командира фашисты остановились и, соскочив с машин, рассыпанным строем двинулись к копнам. Они прокалывали их штыками, прошивали автоматными очередями.

Дормидонтов сидел в копне и сквозь просветы видел, как фашистские солдаты подходят к нему

всё ближе и ближе.

Вот штык прошел сквозь сено и чуть не вонзился в грудь. Новый удар — и штык чуть не задел глаз.

Худощавый солдат собрался снова всадить в копну штык, но вовремя удержался. Копна опрокинулась, и из нее с поднятыми руками выбрался здоровенный детина с маленькими бегающими глазками. Лицо у него было серым, руки дрожали.

Худощавый даже испугался вначале, отскочил в сторону, потом радостно закричал:

— Эй, вот он, танкист! — и, словно пытаясь вознаградить себя за первоначальный испуг, ударил прикладом автомата Дормидонтова.

Тот упал на землю.

…А дядя Вася тем временем в тени деревьев и по ложбинам медленно перегонял танк. Он включил рацию, но динамик молчал. Лицо у танкиста было озабоченное. Жив ли капитан Малышев? Где Мишка?

По сельской улице гарцевали трое всадников с карабинами. Подъехав к белокаменному особняку, они слезли с коней и, привязав их к перилам крыльца, зашли в дом.

Выглянув из-под крыльца, Мишка увидел часо-

вого и снова юркнул в свою нору. Над его головой топали какие-то люди. Ему за шиворот сквозь доски сыпался песок. Но Мишка терпеливо ждал нужной минуты. И вот часовой зашел за угол дома. Мишка одним рывком выскочил из-под крыльца, отвязал от перил коня и прыгнул ему на круп. Испуганный конь с храпом вздыбился и бешеным галопом понес Мишку вдоль села.

Из-за дома выбежал часовой и выстрелил.

На крыльцо управы выскочил толстомордый Щупак. Заметив улепетывающего Мишку, он крикнул часовому: — В коня попадешь! Взять живьем!

«Хорек» и часовой прыгнули в седла черных коней и замахали нагайками.

Погоня! Бешено бьют копыта!

Прижавшись к гриве и оглядываясь на преследователей, Мишка пятками пришпоривал коня и летел черт знает куда.

Вдруг дорогу ему преградило стадо, которое угоняли фашисты. За стадом, причитая, шли зареванные бабы.

Мишка мог врезаться в коров, но на полном скаку он свернул с сельской улицы и пустил коня на плетень в чей-то двор. Конь легко и красиво взял преграду. Но на пути было новое препят-

ствие — поленница дров. Мишкин конь взвился и над этим барьером. Перемахнув через задний плетень огорода, Мишка вырвался на луг.

Следом за мальчиком, беря преграды, скакал «хорек».

А часовой осрамился. Не справившись с конем, он врезался в поленницу дров и, перекувыркнувшись через голову, грохнулся на землю. Прямо на свинью. Мишка мчался по пересеченной местности, то спускаясь в овраги, то поднимаясь в горку. Впереди была речка, за ней лес. Может быть, там ему удастся уйти от погони. «Хорек» был уже совсем рядом.

— Стой, покойник! — с исказившимся лицом закричал он и выстрелил.

Мимо. Теперь он стал целиться тщательнее.

Мишка бросил коня через речку. Тот легко взял водную преграду, но, коснувшись земли, упал. Мишка покатился по траве. Неподалеку от Мишки, в кустах, стоял дядя Вася. Он поднял пистолет и нажал на курок. Прогремел выстрел.

На противоположном берегу убегающий черный конь волочил по земле «хорька», зацепившегося ногой за стремя.

XIII

Немецкий офицер гнал «опель» по пустынному шоссе.

На ветровом стекле машины, на хромированных рукоятках плясали солнечные зайчики. В зеркальных колпаках, словно в уменьшительном

стекле, вертелась карусель из остроконечных пихт, кудлатых берез и пышного кустарника. Над асфальтом колебался теплый воздух, и шоссе казалось влажным, будто от дождя.

Офицер любовался пейзажем, по лицу его бродили легкие мысли. Однако красивый пейзаж не всегда место для беспечных дум. Особенно на войне, пусть даже в глубоком тылу.

Ведь всяко тут может быть. Но офицер чувствовал себя здесь хозяином. Что ж, посмотрим, что с ним будет дальше…

… «Тридцатьчетверка» полным ходом шла через лес. Дядя Вася сосредоточенно управлял рычагами. Рядом с ним, хмуро сдвинув брови, сидел Мишка.

— Освободить Маринку, — говорил дядя Вася, — это так просто не делается. Мы к этому еще не готовы.

Мишка закусил нижнюю губу.

— Ты думаешь, что я тебя не понимаю? Я и сам бы хотел, чтобы она вот здесь сидела. — Дядя Вася кивнул на Мишкино место и сквозь зубы зло добавил: — Дай, Миша, только срок, все будет красиво!

Танк, пересекая шоссе, выскочил на асфальт, и тут в него, появившись из-за поворота, чуть не

врезался «опель». Завизжали тормоза. На офицера уставился танковый пулемет…

И еще в этот час у фашистов произошло невеселое событие. Только не в лесу, а в пионерском лагере.

Здесь на свежем воздухе готовился знатный обед. Стол был завален помидорами, огурцами, зеленым луком. В бутылках хрустально поблескивал шнапс.

Фашисты с шуточками — кто причесываясь, кто вытирая полотенцем только что вымытые руки, кто опрыскивая себя духами из пульверизатора — подходили к скамейкам и с хохотом и с шумом рассаживались вокруг аппетитной закуски.

Над дымящимся котлом замелькал черпак повара. Он разливал борщ. Наполнил одну тарелку, другую.

Прыщавый фельдфебель взял в руки бутылку со шнапсом. Все встали, чокнулись, выпили.

И вдруг у повара полезли глаза на лоб: в его черпаке лежала… граната!

Фашисты онемели. Они не мигая смотрели на «курицу». Но повар, сообразив, взмахнул черпаком и отшвырнул гранату куда попало, лишь бы подальше.

Она ударилась о капот «шкоды» и взорвалась.

От мотора грузовой машины остались только «рожки да ножки».

XIV

Щупак взволнованно привстал из-за стола и выглянул в окно. По сельской улице, разгоняя кур, катил «опель».

В нем сидел немецкий офицер.

Щупак выбежал на крыльцо.

— Хайль Гитлер! — остановив машину и хлопнув дверцей, надменно сказал офицер и вскинул руку. — Мы есть гестапо!

Это был переодетый дядя Вася.

— Хай! — тараща глаза, ответил Щупак.

Офицер не спеша поднялся на крыльцо и вошел в дом.

Щупак, услужливо забежав вперед, повел его в свой кабинет.

— Прошу вас, пан офицер!

Дядя Вася по-хозяйски сел за стол на место Щупака.

— Нас интересуй, — сказал он, — как вы боролься с ликвидация всех коммунист и совьет? — и обрадованно посмотрел на карту, висевшую на стене.

— Как вам сказать, наша служба еще только

начала работу, но мы уже арестували двух коммунистов да еще одного шакала.

— Что есть «шакаль»? — Дядя Вася подошел к карте и стал ее изучать.

— А-а, энкаведешник…

— Дай их дело, я посмотрель!

— Та какое там дело! Мы уж их расстреляли!

— Без гестапо никаких расстрел! — строго сказал дядя Вася.

— Слушаюсь!

— Кто еще ваш тюрьма? — Он сердито снял карту со стены.

— Один человек — дочь коммуниста!

— Вы мало арестоваль! — закричал дядя Вася, вставая из-за стола. — я сказаль выговор! Разве так служба Гитлер?! Я сейчас смотрю тюрьма! А карта — я запрещай! Это — секрет.

Щупак даже присел от этого крика.

— Слушаюсь, пан офицер! — пролепетал он и услужливо распахнул дверь кабинета.

Они пошли по коридору. Дядя Вася аккуратно сворачивал карту.

Щупак открыл ключом дверь камеры, где сидела Маринка.

Дядя Вася шагнул вперед и предупреждающе подмигнул девушке.

Щупак заметил какую-то перемену в лице Маринки.

Дядя Вася краем глаза увидел, что Щупак насторожился. Тогда, сделав брезгливую гримасу, он посмотрел на потолок.

— Яволь, гутен таг, — выругался он и, достав носовой платок, стал протирать глаз. — Ти есть дочь коммунист?

— Да… — еле слышно ответила Маринка.

— Собирайсь… Едешь гестапо!

Глаза у Щупака забегали. Он почуял, что тут какой-то подвох. Снял карту! Увозит Марину!

Маринка, опустив голову, вышла на крыльцо.

Дядя Вася вел себя степенно, не торопился. Дело сделано, и теперь можно даже закурить. Он машинально вынул из кармана кисет с махоркой, вытащил из него газетку, а затем, спохватившись, медленно, в раздумье затянул кисет.

Глаза у Щупака сузились. И только дядя Вася поставил ногу на подножку машины, за его спиной раздался голос:

— Василь!

Дядя Вася инстинктивно обернулся.

На него смотрело дуло пистолета.

— Что, артист… доигрался? — оскалился Щупак. — Руки вгору!

Дядя Вася, медленно поднимая руки, посмотрел по сторонам, как бы ища выхода, и увидел: вдали на деревенскую улицу въезжал взвод фашистских мотоциклистов. За ними пылили три танка. В передней коляске сидел Дормидонтов с синяком под глазом.

Дядя Вася понял — это конец!

Щупак уже начал давить на курок.

— Как я тебе зараз черепушку разнесу! — приговаривал он.

Раздался выстрел.

— Ой! — взвыл Щупак и, выронив пистолет, схватился за ягодицы.

Спрятанный в багажник автомобиля Мишка, держа в руках пистолет, с испугом в глазах тут же захлопнул над собой крышку.

Дядя Вася прыгнул к рулю, и «опель» сорвался с места.

Ведущий мотоциклист, на глазах у которого разыгралась вся эта сцена, сразу махнул фашистам: «Вперед!» — и все, как свора собак, рванулись за «опелем».

Со двора управы выскочили двое всадников.

— Наперерез! — И они понеслись в проулок.

Выехав из села на шоссе, «опель» мчался по асфальту.

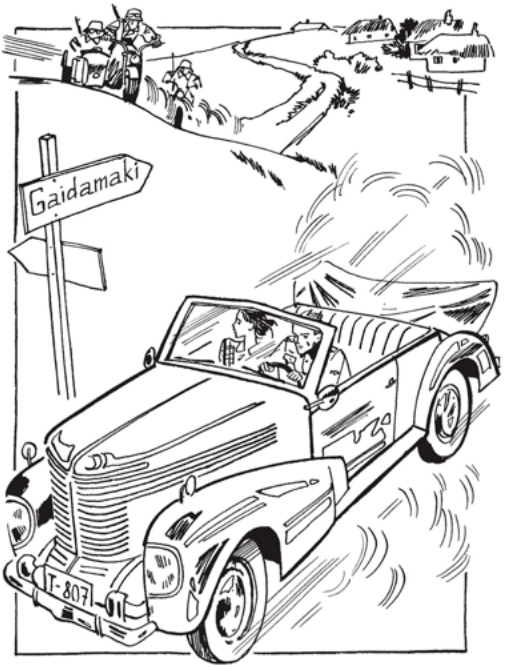
Дорога петляла среди холмов.

Мотоциклисты то приближались к «опелю», то за поворотом исчезали из виду.

Стрелка на спидометре стояла на делении «130». Погоня была сумасшедшей.

Скрюченного в багажнике Мишку качало из стороны в сторону. Он стукался головой о канистру.

Скрывшись за холмом от преследователей, дядя Вася догнал старика на повозке, прогудел и взял правее. Но старик, оглянувшись, хлестнул по лошади и тоже взял правее. Дядя Вася — влево, бестолковый старик — влево.



Но «опелю» все-таки удалось проскочить мимо повозки.

На вершине холма показались двое всадников. Отсюда им были видны река, петляющая дорога и «опель», который мчался в сторону реки. За ним — серые точки мотоциклистов.

— К реке! — скомандовал один из всадников и пустил коня по склону.

Свора мотоциклистов открыла стрельбу по «опелю».

Дядя Вася пригнул Маринке голову и крикнул:

— Мишка, как дела?

— Еще одну шишку набил! — ответил Мишка из багажника.

Пулеметчик в мотоциклетной коляске дал длинную очередь по баллонам «опеля».

В это время правое колесо автомобиля наскочило на какой-то покатый камень, и «опель», встав на два боковых колеса, покатился, как велосипед.

Под вздыбленным днищем взвились фонтанчики асфальта от пуль.

Мишку ударило головой о канистру. Рядом с ним что-то цокнуло. В крышке багажника появилась дырочка. Мишка приставил к этой пробоине пистолет и выстрелил. И вдруг ту коляску, в которой с бледным лицом сидел Дормидонтов, замотало по шоссе и перебросило через кювет.

«Опель» продолжал лететь как на крыльях. На дорожной развилке стоял щит с восклицательным знаком. На нем по-немецки было написано: «Мост разрушен. Объезд направо».

Дядя Вася не знал немецкого языка и проскочил напрямую. «Опель» скрылся за деревьями.

Мотоциклисты, подлетая к развилке, еще издали прочитали надпись и свернули направо.

Дядя Вася, не сбавляя скорости, выехал из-за поворота на мост и увидел перед собой зияющий провал.

Он нажал на тормоз, отвернул руль, чтоб хоть в перила врезаться и, может быть, так спастись. Но задние колеса по инерции занесло, и «опель», переворачиваясь в воздухе, полетел в воду.

Раздался отчаянный крик Маринки.

Первым выплыл дядя Вася. Отфыркиваясь, он огляделся. На поверхности воды никого не было. Тогда он снова нырнул и, вытащив из воды потерявшую сознание Маринку, стал буксировать ее к берегу.

Из воды выскочила канистра, а следом за ней — Мишка с вытаращенными глазами. Жадно хватив воздуху, он поглядел на берег и сразу нырнул под канистру.

Не успел дядя Вася вытащить Маринку на песок, как на него, соскочив с коней, набросились двое всадников. Из кустов, хромая, выходил Щупак.

— А где тот змееныш? — спросил он и, подойдя к воде, сплюнул. — Потоп…

От Щупака не уйдешь!

На реке, плывя по течению, как большой поплавок, качалась канистра.

Над водой с печальным криком пронеслась чайка. Дядя Вася посмотрел ей вслед и слабо улыбнулся Маринке. В его глазах искрилась нежность. Девушка перехватила этот взгляд и грустно покачала головой.

Они стояли над высоким обрывом со связанными руками и ногами.

— Первую — ее! — приказал Щупак, поигрывая прутиком.

— Последнюю просьбу можно? — спросил дядя Вася.

— Ну?

— Делайте со мной что хотите, а ее не трогайте!

— Ось! Бачите, лыцарь какой! — усмехнулся Щупак. — Ну что ж, первого его, а ее за ним. Просьба удовлетворена. — И он поднял руку для сигнала.

Вдруг над рекой громко и отчетливо прокатился рев танкового мотора.

Дядя Вася и Щупак оглянулись.

Ломая кусты, сбивая деревья, на полянку перед обрывом выскочил танк.

Мишка орудовал рычагами, напрягая силы. Танк пошел на палачей, и они бросились кто куда: кто в кусты, кто с обрыва в воду.

«Тридцатьчетверка», чуть не свалившись в речку, резко остановилась на краю обрыва. Хлопнула крышка люка, и из него показался улыбающийся Мишка.

— Мишка! — обессиленно прошептала Маринка, и ноги у нее подкосились.

XV

В пионерском лагере ребята выносили из спален одеяла, матрацы, подушки и забрасывали их в кузов грузовика.

— А когда нас повезут? — спросила Катя.

— Теперь скоро… Ночью… — грустно ответил Костя.

На территорию лагеря ворвался пикап и остановился около грузовика. В машине сидели очкастый и Дормидонтов.

— Хайль! — подскочив к начальству, поприветствовал Рудольф Штарке.

— Хайль! — ответил очкастый и, указав на толпу ребят, ткнул Дормидонтова пистолетом. — Ну?

Пленный безжизненным взглядом осмотрел

пионеров.

— Вот он Малышев! В майке! — кивнул Дормидонтов на Костю и хмуро отвернулся.

Очкастый неторопливо выбрался из машины и направился к ребятам, стоявшим рядом с Костей.

— Ну, кто сказайть, где есть Мальишев? — спросил он у лопоухого мальчишки, сделав вид, что действительно не знает, кто тут Малышев.

— Малышев? — переспросил мальчишка и беспомощно огляделся. Он наморщил лоб — вот-вот хлынут слезы — и… пожал плечами: — Не знаю…

— А ты сказай — кто есть Мальишев? — очкастый обратился к Кате.

— Я — Малышев! — вдруг ударил себя в грудь узколицый паренек с марлевой заплаткой на лбу.

— Но-но — с меня нельзя шутка! — погрозил ему очкастый. — А то мы делаем — пук, пук! — из пистолет, — и снова поглядел на Катю.

— Первый раз слышу такую фамилию, — очень искренне ответила Катя.

— Ой, ой, какой чьестный девочка! — покачал головой очкастый и вдруг ударил Костю по щеке. — За мной!

Дормидонтов искоса наблюдал за этим допросом.

Очкастый важно направился к корпусу. Его

догнал Рудольф Штарке. Очкастый оглянулся и доверительно сообщил:

— С русским танком сегодня все будет покончено!..

XVI

Широкие гусеницы стремительно катили по горячему асфальту, оставляя за собой две серые ребристые полосы. На ходу танковая пушка словно раскланивалась перед стройными соснами и могучими дубами, в одиночку стоящими на зеленых луговинах.

Как бы ни были печальны обстоятельства их встречи, теперь Мишка, Маринка и дядя Вася ехали в танке в веселом настроении.

— А вы с дедом Макаром не знакомы? — спрашивал Мишка у дяди Васи.

— Нет.

— Если б не война, я б к нему — ни ногой! — сказал Мишка.

— А что так?

— Было дело у них с мальчишками, — улыбнулась Маринка.

— Мы в бочку с медом залезли и давай его руками есть. А дед Макар за нами с берданкой погнался. Она у него солью стреляет.

— Ну и посолил он кому-нибудь соответствующее место? — улыбнулся дядя Вася.

— Ха, разве нас догонишь!

— А вот пчелы его догнали. — Маринка похлопала Мишку по плечу. — Пришел домой, лицо — во! — распухло, как арбуз. Всего искусали.

— Ну с кем такого не бывало! — смеялся дядя Вася. — Детство! А пчелиный яд даже полезен. От ревматизма. — И он шутливо щелкнул в Мишкин нос.

Дорога, по которой шла «тридцатьчетверка», свернула к разрушенному селу. Оно было вымершим, тихим, с черными печными трубами над сожженными домами. Впрочем, чуть в сторонке от шоссе, возле колодезного журавля, стояли две целехонькие хатки — белые с синими наличниками.

Мишка печальными глазами оглядывал пепелище через смотровую щель, потом сказал:

— Дядя Вася, а вы не видели — вон там, из-за хат кто-то выглянул и спрятался!

— Где? — взволнованно спросил дядя Вася и, вглядевшись в смотровую щель, тихо добавил: — Братцы, тут дело нечисто.

Он прибавил скорость и быстро-быстро проскочил через село.

И вдруг следом за ним к шоссе от колодезного журавля тронулись… две беленькие хатки.

Немецкие танки, неся на своей броне соломенные, рассыпающиеся крыши, помчались в погоню за «тридцатьчетверкой».

Мишка, перебравшись в башню, глядел в заднюю смотровую щель и кричал:

— Они еще далеко, дядя Вася!

— Черт, даже сам не знаю — принимать бой или не принимать? — раздумывал вслух дядя Вася.

— Принимать! — решительно отвечал Мишка.

— А вдруг они подобьют — тогда как лагерь освободим?

— Тогда не принимать! — так же решительно отвечал Мишка.

Танковые гусеницы остервенело вгрызались в асфальт. Поворот за поворотом дядя Вася все дальше уходил от погони. Но когда он выехал на открытый изгиб шоссе, немецкие танки наискосок ударили по нему из пушек. Один снаряд взорвался перед самым носом «тридцатьчетверки», осыпав ее осколками. Другой — за кормой. Потом снова взрыв! Еще взрыв!

Но «тридцатьчетверка», как заколдованная, уверенно шла вперед.

И вдруг дядя Вася заметил, как стоявшая слева

от дороги хата развалилась и из нее выскочил новый немецкий танк — третий! Он ретиво пошел наперерез.

Дядя Вася рванул рычаги, съехал с шоссе и помчался по полю. Впереди с холма ему была видна поблескивающая на солнце гладь реки.

— Нас окружают! — крикнул Мишка из башни. — Один сзади, двое сбоку!

— Как река в этом месте? Дно? — быстро спросил дядя Вася у Маринки, сидевшей рядом с ним.

— Песок.

— Эх, где наша не пропадала! Форсируем!

И танк устремился с крутого склона в реку. Он влетел в воду, подняв фонтаны брызг, и, погрузившись по башню, пошел, пошел к середине реки. И тут… заглох.

Маринка и дядя Вася быстро перебрались к Мишке в башню. Вода с бульканьем заполняла танк и медленно подбиралась к башне. Она подступила людям под горло и остановилась.

— Ну, ребята, ругайте меня, — с горечью сказал дядя Вася. — Надо было принимать бой, а я вас пожалел. Хотел уйти. — Теперь конец? — спросил Мишка. — А может, нам выпрыгнуть и поплыть к противоположному берегу?

— Поздно! — сказал дядя Вася.

К песчаному берегу подъехали три немецких танка. Из них выскочили фашисты. Один из немцев быстро разделся и в трусиках поплыл к «тридцатьчетверке».

Он залез на башню, постучал пяткой по броне:

— Рус, буль-буль?! — и прислушался.

Дядя Вася в башне поднес палец к губам: «Тихо! Молчать!» — Эй, рус, буль-буль?! — Немец снова стукнул пяткой, а потом по-немецки закричал своим: — Они, наверно, захлебнулись! Давайте трос, мы сейчас вытащим!

Немецкий танк развернулся на берегу и, пятясь, подъехал к воде. Двое фашистов сняли с него трос и, как бурлаки, потянули его к «тридцатьчетверке».

Немец, стоявший на башне, спрыгнул в воду и, ухватив трос, поднырнул под корму танка.

— Тащи! — всплыв на поверхность, крикнул он и снова забрался на башню.

Немецкий танк натужно зарычал и медленно потащил за собой из воды драгоценную добычу.

— Ну, мы, кажется, еще повоюем! — шепнул дядя Вася, и глаза у него загорелись. — Мишка, к рычагам! Включишь заднюю передачу, а когда мотор от буксировки запустится, рви полный вперед!

— Есть! — сказал Мишка и вслед за убывающей водой стал спускаться из башни к месту механика-водителя.

«Тридцатьчетверка» задом выползла на берег. Рядом с русским танком уже шагали фашисты и с удовольствием похлопывали по нему ладонями.

Вдруг наш танк вздрогнул, чуть попятился, а потом… рванул вперед!

Буксирный трос оборвался. Немец скатился с башни на землю.

Дядя Вася быстро развернул пушку и прямой наводкой ударил по ближайшему фашистскому танку.

Раздался взрыв!

А когда фашисты очнулись — на песчаном берегу от нашего танка остался только мокрый след. Он тянулся к высокому скалистому мысу, поднимавшемуся над водой, как нос корабля, и уходил за него.

XVII

В лесу на пасеке вооруженные люди рассаживались на танковой броне.

Горобец внимательно рассматривал карту.

Лучи вечернего солнца мягко пробивались сквозь крону деревьев. Пчелы, мирно жужжа,

слетались к своим ульям.

— Все сели? — спросил дядя Вася, стоя в люке.

— Все, все! — ответил Горобец и для полной уверенности окинул взглядом своих друзей. — До лагеря час ходу! Вперед!

— Стойте! Стойте! Куда ж вы без меня?! — выскочив из хаты, закричал старик пасечник. В руках у него была древняя берданка.

Люди протянули ему руки и втащили на броню.

Дядя Вася захлопнул за собой люк, и танк тронулся.

— Во, дед! Из этой орудии, если жахнешь, небось цельную дивизию уложишь? — пошутил кто-то на броне. — Она у тебя с солью?

— Мы — народ добрый! — ответил дед. — А уж если кто нападет — у нас для этого другая соль найдется! Уж не раз бывало… — И, переломив ружье, заглядывая в ствол, добавил: — Будем бить и танкой и берданкой!

В танке сидели трое: Мишка, Маринка и дядя Вася.

Мишка крутил ручку настройки и слушал радио. Но вот в эфире появился чей-то неясный, но настойчивый голос:

— Сорок третий! Сорок третий! Сорок третий!

Где вы находитесь? Я — «Сокол»! Я — «Сокол»! Прием!

— Дядя Вась, не нас ли? — Мишка сдернул с головы наушники.

— Сорок третий! Сорок третий! Прием! — услышал дядя Вася и остановил танк. Он включил передатчик и закричал в микрофон:

— Я — сорок третий! Кто говорит?

О, если бы знал дядя Вася, кто с ним говорит! Если бы мог хоть одним глазком взглянуть на своих собеседников, которые, сидя в пикапе, говорили с ним из пионерского лагеря.

Услышав голос русского танкиста: «Я — сорок третий! Прием!» — очкастый оживился. Он приказал радисту переключить рычажок на рации и кивнул Дормидонтову — продолжай!

— Говорит комбат Малышев! — выдавливая из себя слова, заговорил в микрофон Дормидонтов. — Мы отрезаны.

Где вы находитесь?

— Товарищ командир, вы живы? — раздался ответный голос русского танкиста.

Очкастый прилип к динамику.

— Жив… — опустил голову Дормидонтов.

Дядя Вася настороженно прислушивался к до-

летающему до него сквозь помехи незнакомому голосу. Затем спросил:

— Товарищ командир, извините, какой номер вашего домашнего телефона?

— Тридцать два сорок пять!

Дядя Вася, наморщив лоб, припоминал — верно ли? И снова спросил:

— А как зовут вашу собаку?

— Трезор! — послышалось в ответ.

Лицо дяди Васи расплылось в широкой улыбке.

И в пикапе очкастый услышал его взволнованный голос:

— Я иду освобождать пионерский лагерь. Там будем через час.

У Дормидонтова дернулась щека.

Очкастый вырвал у него из рук микрофон и, переведя волну на передатчике, заговорил по-немецки:

— «Ягуар»! «Ягуар»! Я — «Бавария»! Где вы, черт вас дери, шляетесь? Советский танк идет к пионерскому лагерю!

— Я — «Ягуар»! Я — «Ягуар»! — ответил командир танковой погони. — Вас понял! Буду в лагере через полтора часа!

Два немецких танка свернули с асфальта на

проселочную дорогу.

— Через полтора часа… Через полтора часа… — взволнованно проговорил очкастый вслух. — Плёхо! Плёхо!..

Мимо пикапа фашисты волокли к спальному корпусу избитого и окровавленного Костю. Он еле стоял на ногах. На него смотрел Дормидонтов. В его глазах было сострадание к Косте и ужас от того, что он его выдал.

Проходя мимо Дормидонтова, Костя выпрямился, глянул на него с презрением и плюнул ему в лицо.

Дормидонтов опустил голову. Потом он вдруг поднялся, схватил за шиворот молоденького радиста и, как щенка, вышвырнул его из пикапа. Затем рванул из рук очкастого микрофон, пнул немца ногой в плечо — да так, что тот вылетел из машины и кубарем покатился по траве, — и закричал в истерике в микрофон:

— Вася! Королёв! Быстрей к пионерскому лагерю, быстрей! — Он еще что-то хотел крикнуть, но не успел.

Очкастый, стоя на четвереньках в траве, выстрелил в него из пистолета.

Да, такого сюрприза очкастый никак не ожидал от Дормидонтова. Тот расстроил все его планы, и

теперь надо было спешно укрепить пионерский лагерь. Очкастый метался по территории, показывал, где ставить пулеметы, рыть траншеи.

Солдаты готовили связки гранат, вставляли в них запалы.

Катя с тревогой наблюдала из-за решетки за поспешными оборонительными приготовлениями. Неужели наши скоро придут?

Горобец постучал по броне. Танк остановился, и из люка показался дядя Вася.

— Подходим, — сказал Горобец. — Надо бы ребятишек предупредить, а то еще ухлопаем кого-нибудь.

— Я их предупрежу! — высунулся из люка Мишка. — Я там каждую дырку знаю!

— Давай! — Горобец протянул ракетницу. — Как только предупредишь, стреляй в воздух. Нажмешь вот здесь — и всё!

— Это вы свою Катеньку учите! — с юморком сказал Мишка и спрятал ракетницу за пазуху.

Ему надо было торопиться.

…Два немецких танка с горящими фарами мчались по шоссе. В рации головного танка слышался тревожный голос очкастого:

— «Ягуар»! «Ягуар»! Где вы?!

— «Бавария»! «Бавария»! Я — «Ягуар»! Мы на

подходе, — отвечали ему танкисты.

Сквозь ветви старого дуба, который возвышался с внешней стороны забора, Мишка внимательно рассматривал покатую территорию лагеря.

Сейчас он словно ощущал за своей спиной дыхание дяди Васи: «Риск, Миша, тоже благородное дело!»

Над лагерем висела светлая луна.

Мишка ясно видел и водовозную бочку, и часового, стоящего на крыльце корпуса, и груду ящиков на кухонном дворе, и радийный пикап под навесом.

Все было подозрительно тихо. Траншеи! Пулеметы! Что бы это означало?

Хрустнула ветка под сапогами двух фашистов, которые шли вдоль забора, почти рядом с Мишкой. Затаив дыхание, мальчик проводил их глазами.

Пройдя по суку над колючей проволокой забора, Мишка бесшумно спрыгнул на территорию лагеря. И вдруг на него кинулась овчарка. Мишка побежал от нее к спальному корпусу и, выхватив из-за пазухи ракетницу, выстрелил в небо.

Над лесом загорелась зеленая звезда.

— Вперед! — зычно крикнул Горобец, и танк рванулся с места.

В лагере метались прожекторы, беспорядочно трещали автоматы.

Мишка бежал по длинному коридору и поочередно распахивал двери спален. Они были пустыми. Наконец он распахнул дверь с табличкой «Столовая», и навстречу ему вырвался крик:

— Мишка-а!

В столовой, как на вокзале, в окружении рюкзаков и чемоданов, ожидая отправки, сидели пионеры.

— Тихо! Лежать на полу! — командирским голосом приказал Мишка и закрыл дверь на ножку стула.

В лунном свете он предстал перед ребятами возмужавшим, серьезным.

По стеклам столовой ударила автоматная очередь, и ребята бросились на пол.

Танк с партизанами, захлебываясь пулеметным огнем, сокрушив забор, ворвался на территорию лагеря.

Мишка хотел было прыгнуть через окно, броситься в бой, но его за рукав схватила Катя:

— А мы — одни?

И мальчик послушно опустился на пол.

С вышки ударил пулемет. Партизаны залегли.

Но тут, прицелившись из берданки, по пулеметчику выстрелил старый пасечник. Пулемет умолк.

Очкастый бежал по коридору, отстреливаясь. Его преследовал Горобец.

Пока шел бой, Мишка так и лежал на полу в бездействии рядом со стонавшим Костей.

— Его пытали, — говорила Катя, — он ни слова про отца. Только про собаку сказал — Трезор!

— Трезор?! — осененный догадкой, воскликнул Мишка. — Значит, нам здесь готовили ловушку?

— Ну кто знал, — простонал Костя, — что врагу даже про собаку нельзя говорить?!

Дверь в столовую кто-то с силой рванул, и стул

с грохотом упал на пол.

Выстрелив с порога в коридор, очкастый по чемоданам и рюкзакам побежал через столовую к двери, ведущей на кухню.

Мишка толкнул ему под ноги чемодан. Очкастый, споткнувшись, растянулся на полу.

— Кокай его! — закричал Мишка и первый навалился на фашиста.

Ребята бросились ему на помощь.

Очкастый, стараясь сбросить с себя ребят, катался по полу. Ему удалось вскочить на ноги. Он наставил на Мишку пистолет, но в этот момент в дверях вырос Горобец. Очкастый мгновенно перевел пистолет на Горобца, но вместо выстрела прозвучал какой-то тупой звук.

Глаза у очкастого поплыли к переносице, и он рухнул на пол. Над ним на столе, держа в руках табуретку, стояла Катя.

— Папа! — закричала Катя и, спрыгнув со стола, бросилась к отцу.

В столовую вбежали партизаны.

— Батько!

— Петька, иди сюда!

— Машенька, я здесь!

Дядя Вася и Маринка счастливыми глазами смотрели на трогательную встречу отцов и де-

тей.

Мишка, величественно скрестив на груди руки, стоял в сторонке и не спускал сияющих глаз с Кати. Она поймала этот взгляд и, подбежав к мальчику, стала его целовать.

Потрясенный, Мишка застыл как по команде «смирно».

Вдруг в столовую ворвался пасечник и страшно закричал:

— Немецкие танки!

Серия снарядных разрывов легла вокруг лагеря.

Дядя Вася выбежал из столовой и вскочил на броню танка. За ним во двор посыпались дети. Катя держала на руках спасенные пионерские галстуки.

— Спокойствие! Всем отходить в лес! Я прикрою! — крикнул дядя Вася и нырнул в люк. Здесь он вздрогнул: у пулемета сидел Мишка. — Ты?! — пораженный, спросил дядя Вася.

— Я всегда с вами, — спокойно ответил Мишка.

Дядя Вася еще что-то хотел сказать, но не успел: рядом грохнул взрыв.

Дядя Вася бросился к рычагам и впился глазами в смотровую щель.

Справа по шоссе шел немецкий танк.

Убегавшие в лес пионеры видели, как из ворот лагеря вышел танк дяди Васи и двинулся навстречу двум немецким машинам.

Над его башней взметнулся сноп искр. Советский танк остановился и выстрелил.

Дядя Вася быстро перезарядил пушку, вынул из гимнастерки красненькую книжечку, а из-за голенища сапога — карту.

— Комсомольский билет и карта — к своим пробиваться, — сказал он Мишке. — Уходи через нижний люк.

— Не уйду!

— Через минуту — смерть! — закричал дядя Вася.

— А я не боюсь!

— Ты в армии или нет?!

— В армии!

— Исполнять приказ! — остервенело закричал дядя Вася и шлепнул Мишку по затылку.

У Мишки на глазах навернулись слезы.

— Миша, быстро! — мягко попросил дядя Вася.

— Есть! — все поняв, еле слышно ответил Мишка и обнял на прощание дядю Васю.

Он выбрался под огнем через нижний люк на землю и по-пластунски быстро уполз в кусты.

Танк дяди Васи пошел в атаку.

Мишка увидел, как с обеих сторон шоссе к дяде Васе, ведя огонь, приближались две немецкие машины. Дядя Вася выстрелил по ближнему танку с правой стороны. Но мимо!

Он не спеша заложил новый снаряд в пушку и подпустил противника поближе.

Мишка напряженно следил за боем. На танке дяди Васи от немецкого снаряда загорелась корма. Мишка тяжело дышал.

Дядя Вася, весь в дыму, смотрел в оптику и снова выстрелил по немецкой машине, надвигавшейся слева. Вражеский танк загорелся. Из него стали выскакивать фашисты.

По дяде Васе выстрелил второй немецкий танк. И советский танк, объятый огнем, уже не ответил.

Мишка смотрел из-за кустов на высокий столб огня, и на его глазах наворачивались слезы. Он мысленно прощался с дядей Васей. На его плечо опустились чьи-то руки. Мишка вздрогнул и обернулся. За его спиной плечом к плечу стояли Катя, Маринка и еще несколько пионеров. Они были уже в красных галстуках.

Озаренные огнем, они стояли долго, с суровыми

глазами, полными печали и ненависти!

— Пошли! — тихо скомандовал Мишка и вдруг замер.

За кустами кто-то упал на землю и застонал.

Мишка бросился в кусты. Перед ним лежал обгорелый и окровавленный дядя Вася.

— Дядя Вася! — не веря своим глазам, радостно прошептал Мишка. — Выбрался?! Живой?! — и приподнял голову своего любимого друга.

— Ну как, Миша? — слабо улыбнулся дядя Вася и с гордостью перевел глаза на поле боя, озаренное огнем. — Нравится?

— Здорово! — прошептал Мишка.

— То-то! Теперь тащите меня, ребята! Мы еще повоюем!

Мальчишки бережно подхватили дядю Васю, и он, опираясь на их плечи, шагнул в лес.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного озна-

комления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.